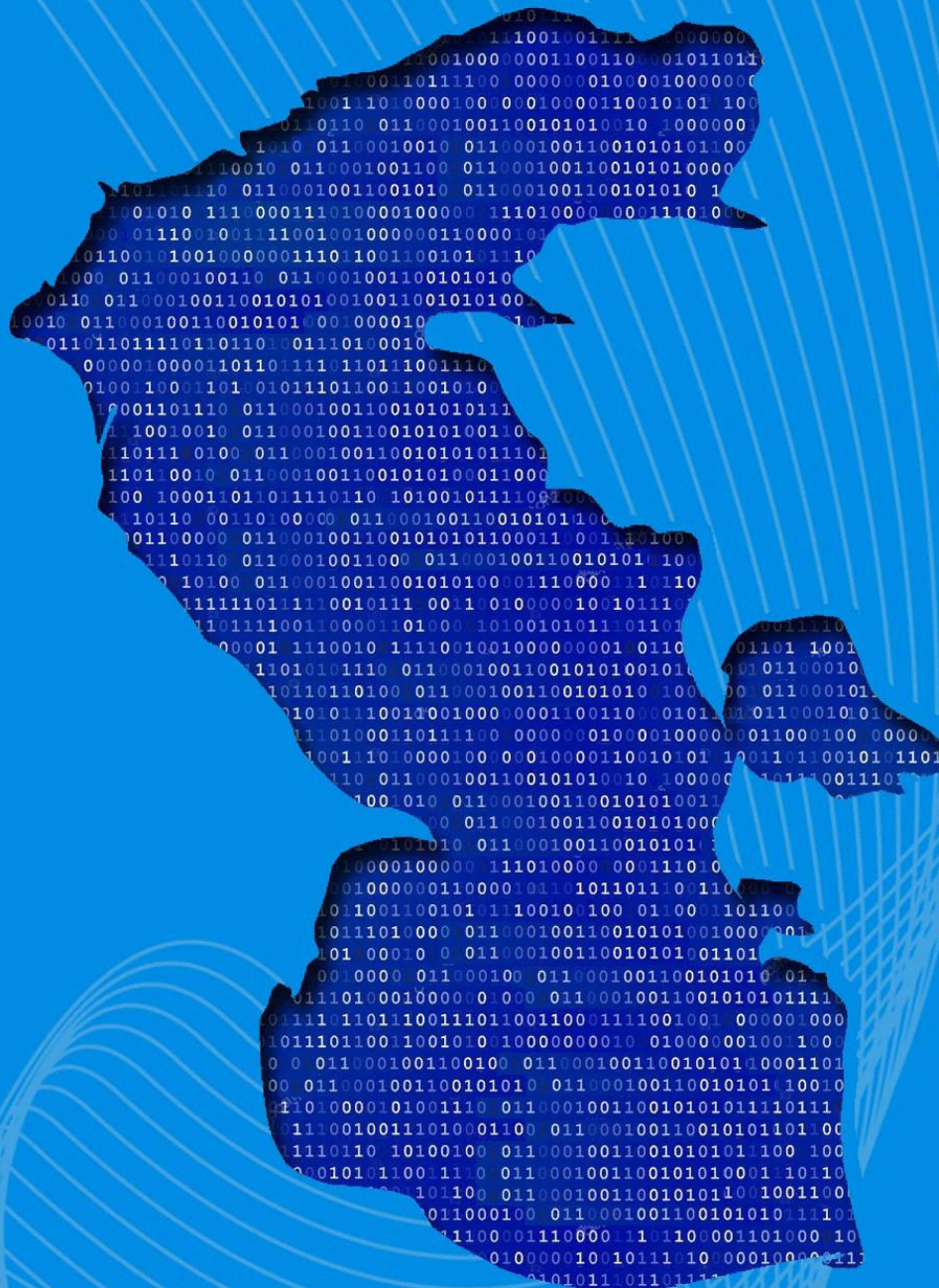

Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

T.3. №4

ISSN 2713-024X

Caspium Securitatis:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal
caspiumsecuritatis.ru

Vol 3 No 4

2023

Caspium Securitatis:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 3 Номер 4

2023

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief	Anna P. Romanova , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Deputy Chief Editor	Elena V. Khlyshcheva , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editors	Lydia G. Zolotikh , Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. Sichuan, China Olga Y. Kosmacheva , Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editor of the English version	Elena A. Yakovleva , chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Journal manager	Dmitriy A. Chernichkin , researcher, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Editorial Board	Əli Məmməd oğlu Abbasov, Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku, Azerbaijan Alexander N. Barmin, Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia Baazr A. Bicheev, Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. Elista, Russia Madina B. Gimbatova, Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala, Russia Sergey S. Zhiltsov, Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, Russia Musa M. Ibragimov, Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. Grozny, Russia Pavel L. Karabuschenko, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia Ayzhamal I. Kudaibergenova, Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Almaty, Kazakhstan Natalia L. Kurepina, Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. Elista, Russia Oksana K. Mineva, Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia Mohammad Tagi Mokhtari Behruz, PhD, Islamic Azad University. Tehran, Iran Nail M. Mukharyamov, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia Rafik Kh. Usmanov, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia Maria M. Fedorova, Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. Moscow, Russia Anna V. Fedotova, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia Reza KHEYRODDIN, (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). Tehran, Iran Arbakhan K. Magomedov, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). Moscow, Russia Eugen Străuțiu, Ph.D. professor Lucian Blaga University of Sibiu Romania Robert M Cutler Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo, Canada Vakhtang Maisaia, Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	<i>Анна Петровна Романова</i> , д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Заместитель главного редактора	<i>Елена Владиславовна Хлыщева</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературные редакторы	<i>Лидия Глебовна Золотых</i> , доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, Китай <i>Ольга Юрьевна Космачева</i> , кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературный редактор английской версии	<i>Елена Андреевна Яковлева</i> , главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Менеджер журнала	<i>Дмитрий Алексеевич Черничкин</i> , научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Коллегия редакторов	<i>Али Мамед оглы Аббасов</i> , д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, Азербайджан <i>Александр Николаевич Бармин</i> , д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Баазр Александрович Бичеев</i> , д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, Россия <i>Мадина Багавутдиновна Гимбатова</i> , д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, Россия <i>Сергей Сергеевич Жильцов</i> , д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия <i>Муса Муслиевич Ибрагимов</i> , д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, Россия <i>Павел Леонидович Карабущенко</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова</i> , д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, Казахстан <i>Наталья Леонидовна Курепина</i> , д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия <i>Оксана Карловна Минева</i> , д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мохаммад Таги Мохтари Бехруз</i> , PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, Иран <i>Наиль Мидхатович Мухарямов</i> , д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, Россия <i>Рафик Хамматович Усманов</i> , д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мария Михайловна Федорова</i> , д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, Россия <i>Анна Владиславовна Федотова</i> , д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Реза Хейроddин</i> , Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, Иран <i>Арбахан Курбанович Магомедов</i> , д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, Россия <i>Юджин Штраутиу</i> , Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, Румыния <i>Роберт М.Катлер</i> , доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо. Канада <i>Вахтанг Майсая</i> , д. полит. н., профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, Грузия .

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5\$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущих специалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются **БЕСПЛАТНО**, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

**С уважением,
редакция журнала**

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Content

IDENTITY IN THE SPACE OF THE SOUTH OF RUSSIA

Elena V. Khlyshcheva & Lenara R. Sultieva

PECULIARITIES OF CRIMEAN TATAR IDENTITY FORMATION
IN THE CONTEXT OF MODERN PROBLEMS11-23

CULTURAL SAFETY

Alexey N. Leukhin

MYPHOSEMIOTIC POTENTIAL OF CULTURAL TOURISM AND ITS
ROLE IN STRENGTHENING INTERCULTURAL COMMUNICATIONS
OF COUNTRIES AND REGIONS OF THE CASPIAN REGION 24-37

CASPIAN REGIONAL STUDIES: TURKMENISTAN

Dmitriy A. Chernichkin

LANGUAGE SITUATION IN MODERN TURKMENISTAN 38-58

SECURITY AND CIVIL SOCIETY

Laura A. Shpiro

PROJECT TECHNOLOGIES FOR ACTIVATING CIVILSOLIDARITY
AT THE LOCAL LEVEL (BASED ON MATERIALS
OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT'S REGIONS)..... 59-68

Kirill E. Voshchinsky

POLITICAL PROTEST IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL
SECURITY PROBLEM: A THEORETICAL REVIEW..... 69-80

SCIENTIFIC LIFE IN THE CASPIAN REGION

Olga I. Oskina & Yulia G. Mironova

ALL-RUSSIAN ROUNDTABLE WITH INTERNATIONAL
PARTICIPATION “SOCIO-POLITICAL PROBLEMS OF THE
CASPIAN REGION IN THE EURASIAN SPACE: SOCIOLOGICAL
DIMENSION” 81-84

Содержание

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ

Хлыщева Елена Владиславовна, Султыева Ленара Ринатовна ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ	11-23
--	-------

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Леухин Алексей Николаевич МИФОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА И ЕГО РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СТРАН И РЕГИОНОВ ПРИКАСПИЯ.....	24-37
--	-------

КАСПИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТУРКМЕНИСТАН

Черничкин Дмитрий Алексеевич ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ	38-58
--	-------

БЕЗОПАСНОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Шпиро Лаура Артуровна ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)	59-68
---	-------

Вощинский Кирилл Евгеньевич ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	69-80
---	-------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Оськина Ольга Ивановна, Миронова Юлия Германовна ВСЕРОССИЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»	81-84
--	-------

PECULIARITIES OF CRIMEAN TATAR IDENTITY FORMATION IN THE CONTEXT OF MODERN PROBLEMS

Elena V. Khlyshcheva

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Lenara R. Sultieva

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: lenara03.00@mail.ru

ABSTRACT

The Author The article explores the process of constructing ethnic identity of Crimean Tatars. The phenomenon of historical memory within the framework of cultural self-identification is analysed. The key emphasis is made on the most important periods of the formation of the Crimean Tatar ethnic identity, the factors that had a special influence on the peculiarities of the formation of the Crimean Tatar mentality and self-identification of both older generations and young representatives of the Crimean Tatar people are identified. The authors conclude that there are complicating problems in the process of identity formation in the form of deportation, displacement of the Crimean Tatar language, as well as differences in views on Islamisation between generations. Three major stages of Crimean Tatar identity formation are analysed and special attention is paid to the current stage of embedding the ethnic and regional identity of the Crimean Tatar ethnos in the space of all-Russian civic identity.

This article continues the research on the problem of constructing national identity in the post-Soviet space.

KEYWORDS

Ethnic identification; Crimean Tatars; deportation; repatriation; historical memory; cultural heritage; all-Russian civic identity.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Хлыщева Елена Владиславовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

Email: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Султыева Ленара Ринатовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

E-mail: lenara03.00@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется процесс конструирования этнической идентичности крымских татар. Анализируется феномен исторической памяти в рамках культурной самоидентификации. Ключевой акцент сделан на важнейшие периоды формирования идентичности крымско-татарского этноса, выявлены факторы, оказавшие особое влияние на особенности формирования менталитета крымских татар и самоидентификации как старших поколений, так и молодых представителей крымскотатарского народа. В рамках исследования авторы приходят к выводу о наличии осложняющих проблем в процессе формирования идентичности в виде депортации, вытеснения крымско-татарского языка, а также различия во взглядах на исламизацию между поколениями. Анализируются три важнейших этапа формирования идентичности крымских татар и особое внимание уделяется современному этапу встраивания этнической и региональной идентичности крымско-татарского этноса в пространство общероссийской гражданской идентичности.

Представленная статья продолжает исследования по проблеме конструирования национальной идентичности на постсоветском пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этническая идентификация; крымские татары; депортация; репатриация; историческая память; культурное наследие; общероссийская гражданская идентичность.

ВВЕДЕНИЕ

История становления и развития различных народов демонстрирует важность наличия у каждой этногруппы центральной идеи, отражающей цель и стратегию, основанных на культурных ценностях. Последние проявляются в мировоззренческой картине мира, традициях, нормах морали, принципах поведения и основах взаимоотношений с другими народами. Национальная (этническая) идея представляет собой комплекс смыслов, объясняющих существование определенной нации (этноса) в прошлом, настоящем и в ближайшем будущем. Объединяющим фактором становятся представления о единстве, общности нации (этноса) и приоритета ее интересов во всех сферах общественной жизни. Это форма национального (этнического) самосознания и одновременно процесс самопознания и развития национально-культурной самобытности.

Таким образом, национальная (этническая) идея выступает фундаментом для определения сообществом своих социально-культурных ориентиров. Важным фактором в данном случае является то, что для появления национальной (этнической) идеи должна существовать определенная этническая общность, которая «способна сформировать подобную идеологию только на основе собственной этнокультурной идентичности, выраженной, прежде всего, в общности языка и культуры» (Аллахвердиев, 2015, с. 40).

Именно культура является связующим звеном в процессе формирования идентичности, поскольку нельзя представить себе человека вне определенной социокультурной общности, как и нельзя представить культуру, не являющуюся порождением той или иной общности. По мнению Г.Г. Шпета, «этническая идентичность воплощена в форме культурной традиции и обращена в прошлое. Главным фактором данной формы является чувство принадлежности, которое основано на ее наличии, переживаемое индивидуумом и подтвержденное со стороны окружающих» (Шпет, 1996, с. 154).

Исходя из этого, любая идентичность, в том числе этническая, по своей природе исторична и тесно взаимосвязана с такими факторами, как этнические традиции и коллективная память. Согласно Э. Смит, исторический компонент этнической идентичности обладает так называемыми «ядрами исторических фактов, которые со временем в сознании этногруппы обрастают определенными искажениями, преувеличениями и некоторой долей идеализации, что в совокупности образуют особый рассказ о героическом прошлом конкретного этноса, отвечающий потребностям этой этнической группы» (Смит, 2004, с.126).

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В представленном исследовании феномен «исторической памяти» рассматривается как «некая форма коллективной памяти, хранящая в себе знание о ключевых событиях и фигурах, образах прошлого конкретной этнической группы

для сохранения и передачи данной информации будущим поколениям» (Смит, 2004, с. 176). Любое общество для своего существования и создания общей идентичности нуждается в сигнификатах, которые нацелены на формирование общей культурной памяти, создающей совместное сакральное прошлое (нередко коллективно воображаемое). Поэтому коллективная память постоянно вносит коррективы и дополнения в исторические факты, конструируя необходимую этническую идентичность. Такая историческая информация о прошлом «далеко не всегда содержит в себе объективную, фактологическую информацию, а зачастую дополняется вымышленными деталями» (Протасеня, 2016, с.176).

Кроме того, в коллективные воспоминания вплетены личные истории множества представителей этой этнической группы. Немецкий социолог Харальд Вельцер считал, что, воспоминания о ключевых событиях определенного сообщества «формируются из разных источников и могут подвергаться изменениям в процессе пересказа, но их главная особенность – это сохранение эмоциональной значимости этих событий для данной этнической группы» (Вельцер, 2005, с.60). Особенно значимо, если изменения в коллективную память вносятся на фоне современных процессов, когда смещаются акценты и ценностные характеристики исторических событий, а некоторые из них начинают просто игнорироваться. Более того, «само значение этих событий в контексте культурно-исторического прошлого народа может гиперболизироваться, либо пересматриваться, исходя из их актуальности для современности» (Тощенко, 2000, с. 9).

Культурная память не является сиюминутным продуктом, Она накапливается веками. фиксируют определенные явления и объекты в народной памяти. Определенные события получают статус «поворотных моментов истории», с которых начинается новая эпоха и происходит полный разрыв с прошлым. Тогда мы говорим о процессе «забвения», который является оборотной стороной cultural memory. В ходе процесса забвения конструируется новый набор воспоминаний, необходимый для данной эпохи. Таким поворотным моментом у крымско-татарского этноса сегодня считается депортация 1944 года и возвращение на историческую родину в 90х годах XX века.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЭТНОСА

Объектом нашего исследования является крымско-татарский этнос, который долгое время не имел территориальной однородности. Можно разделить данный большой этнос на 3 группы: крымские татары, проживающие на территории Турецкой Республики; крымские татары, проживающие на территории России, а также крымские татары и их потомки, вернувшиеся после депортации 1944 года на постоянное место жительства в Крым. Особый интерес для исследования вызывает группа, проживающая на полуострове Крым.

На конструирование современной идентичности татарского населения Крыма большое влияние оказала память о депортации 1944 года, что отразилось в

исторической памяти и запечатлелось в культурном наследии тяжелым сюжетом для всех поколений представленной этнической группы. Репатриация крымско-татарского народа на историческую родину стало началом процесса восстановления собственной этнической идентичности через культурные практики прошлого и настоящего.

Этот процесс можно условно разделить на три этапа, первый из которых связан с деятельностью общественного и политического активиста, педагога и издателя Исмаила Гаспринского, главным достижением которого было создание и широкое распространение системы светского школьного образования для крымско-татарских детей. Сочинения этого деятеля были главным источником информации о формировании этнического самосознания местной интеллигенции. Кроме того, именно Исмаила Гаспринского принято считать создателем крымско-татарского литературного языка. Фактически, он взял на себя «миссию возрождения исторического крымско-татарского культурного наследия, одновременно с этим формируя крымско-татарскую интеллигенцию тех лет» (Кульпин, 2013, с. 86).

Немаловажно, что процесс самоидентификации крымско-татарской элиты протекал под сильным влиянием российской исторической традиции. Например, работа «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» (Гаспринский, 1881) содержит в себе ключевую идею – русское мусульманство является помощником в решении крымско-татарского кризиса. Гаспринский говорит о России, как о христианско-мусульманской стране и подчеркивает, что в составе российского государства турки-мусульмане имеют больше возможностей для собственной реализации и возрождения своего величия, чем где-либо еще. И первым шагом к этому должна была стать, по его мнению, реформа дошкольного образования.

Гаспринский практически ставит знак равенства между всеми мусульманскими народами тогдашней России, используя наименование «крымский» лишь в качестве регионального определителя. Это свидетельствует о том, что в данный период непосредственно крымско-татарская идентичность еще не сформировалась, а сам крымско-татарский этнос находился на стадии объединения разных этнических групп, с общим идентификатором в виде мусульманской религии.

Исторически крымско-татарская идентичность формировалась под влиянием различных мифов или символов российской культурной традиции. Например, символом общего прошлого становится Куликовская битва, по мнению Гаспринского, являющаяся «объединительным фактором русских с татарами» (Гаспринский, 2017). Такое утверждение достаточно спорно, но, несмотря на своеобразный взгляд на историю, Гаспринский все же создал фундамент для возрождения и объединения всего тюркского народа, в том числе основы самоидентификации крымско-татарского этноса.

Второй этап формирования этнической идентификации крымских татар пришелся на советский период. После краха царской империи крымско-татарский этнос получил автономию, а советская национальная политика, объединяющая

народы, способствовала исчезновению «географических, лингвистических и этнических различий, которые на полуострове издавна разделяли несколько крымско-татарских субэтносов» (Сейтхалилова, 2019, с. 20). Так, в течение 1920–1930-х годов в СССР была создана практически однородная крымско-татарская общность.

Большую роль в этом сыграло изменение системы образования. Прежняя - обучение мальчиков при мечетях, а девочек дома мамой – ушла в прошлое. Стало доминировать светское образование. Кроме этого, значительные изменения произошли в крымско-татарской письменности. Привычный для старшего поколения арабский алфавит был заменен на латиницу для повсеместного использования. В целом, трансформация письменности стала существенным фактором в разрыве новых поколений от традиционных письменных наследий. Дальнейшее решение об использовании кириллицы в письменном языке крымско-татарского этноса еще больше увеличило разрыв между «многовековым культурным наследием и новыми поколениями крымских татар» (Williams, 2001, p. 292). Происходившие процессы привели к возможности равноправного существования всех советских народов, а значит и крымско-татарский этнос получил право на сохранение аутентичных особенностей своей культуры.

Однако, ситуация кардинально изменилась в период Великой Отечественной войны. 18 мая 1944 г. крымско-татарское население подверглось депортации в другие регионы Советского Союза, главным образом в Среднюю Азию. Официальным объяснением депортации было обвинение «в сотрудничестве с врагом» (Постановление ГКО, 1944).

В течение нескольких десятилетий представители данного этноса были оторваны от Крымского полуострова. После снятия режима спецпоселений в 1956 г. наиболее активные представители крымских татар начинают бороться за право возвращения в Крым. Это сплотило депортированных, обострив чувство их этнической принадлежности. Продолжение этой борьбы привело к созданию в 1980-х гг. общественных организаций, целью деятельности которых было «возвращение крымских татар в Крым. Этническая составляющая этих организаций подчеркивалась уже в их названиях: «Национальное движение крымских татар», «Организация крымско-татарского национального движения» (Червонная, 1997, с. 18).

После массового возвращения в 1990-х гг. в Крым крымские татары (в основном, представители интеллигенции) помимо решения бытовых вопросов, связанных с выделением земли под поселки и обустройством быта, особое внимание уделили возрождению национальной крымско-татарской культуры и тем самым подтверждению этнического своеобразия своего народа» (Сластникова, 2019, с. 262).

Депортация повлияла на процесс идентификации крымских татар. Как минимум два поколения крымских татар родились вне Крыма, и их представления об этом регионе складывались «на основе рассказов родителей, бабушек и дедушек, подвергшихся принудительному переселению» (Сластникова, 2019, с. 266). Тем не

менее, значительная часть крымско-татарских репатриантов, родившихся вне Крыма, продолжали воспринимать себя как коренных жителей полуострова, а Крымский полуостров в качестве «родной земли» (Сластникова, 2019, с. 267).

Немаловажным фактором становится забывание родного языка вследствие того, что новые поколения учились в школах, где преподавание велось исключительно на русском языке. Постепенно именно русский язык становится родным для многих поколений крымских татар (Кульпин, 2013, с. 90). При этом, рассказы старшего поколения о далекой родине становятся «ключевым культурным мостиком между поколениями крымских татар» (Williams, 2002, р. 330), несмотря на существующий разрыв между поколениями и большие пробелы в коллективной памяти между «депортированными» и «выросшими в депортации».

Желание сохранить свои этнические ценности привело к «усилению этнокультурного национализма» (Бекирова, 2008, с. 279). Особенно наглядно эта тенденция проявлялась в литературе. Например, многие крымско-татарские писатели занимались «переводом разных произведений с русского и узбекского на крымско-татарский и обратно с целью сохранения и популяризации уникального родного языка» (Fisher, 1978, р. 178). Кроме того, центральной темой большинства литературных произведений становится именно период депортации и связанные с ним трудности. Такие произведения не печатались официально и «просто передавались в рукописном виде» (Юнусова, 2002, с. 300-304). Отличительной чертой таких произведений становился сюжет о депортации и воспевание памяти об утраченной родине. Эта ностальгия по утраченному легла в основу формирующейся этнической идентичности крымских татар данного периода.

Третьим этапом в процессе формирования этнической идентичности крымских татар стало возвращение на Родину. Быстро обнаружилось, что большая часть культурной памяти утрачена, пострадало культурное наследие, а также исчезало знание родного языка. Поэтому третий этап знаменуется «стремлением восстановить культурную самобытность» (Кульпин, 2013, с. 331).

Акцент был сделан на воспроизводство этнического самопознания посредством знакомства с различными мифами, символами, которые сохранились в культурной памяти депортированного народа и были рекультивированы после репатриации. По сути, мифологема депортации стала базовым сюжетом исторической памяти этноса и системообразующим фактором конструирования современной крымско-татарской этнической идентичности. Важно отметить, что многие нарративы связаны с 18 мая, датой депортации крымских татар (Белялова, 2013).

В период депортации ключевым мифологическим сюжетом культурной памяти было возвращение в Крым. После репатриации данный миф трансформировался в своеобразную одержимость родиной, которая прослеживалась в стремлении возвратиться именно на те земли, которые ранее заселяли их предки. После переселения, данный миф потерял свою актуальность и перед этносом встала необходимость создания нового мифологического драйвера культурной самоидентификации крымских татар.

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЭТНОСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современный этап развития наглядно выявляет общую тенденцию, характерную для постсоветских республик - «конструирование новой идентичности на базе обращения к древней истории и мифологии своего народа» (Хлыщева, 2023, с. 213). Не избежали этого и крымские татары, у которых особую популярность получает исторический миф о происхождении Крымского ханства. В первую очередь, это связано с тем, что в Крыму существует большое количество памятных мест того времени, которые превратились в общекрымские достопримечательности. С другой стороны, этот нарратив позволяет крымским татарам в своей самоидентификации претендовать на исключительный социальный и политический статус на фоне других тюркских народов. Попытки создать на фоне этого мифа движущий вектор развития этнической идентификации отчасти были успешны. Однако усложняло этот процесс существование крымских татар на территории Крыма в качестве диаспоры, в которой набирает силу и значимость фактор «принадлежности к исламу в качестве ключевого фактора этнической идентификации» (Кульпин, 2013, с. 92).

Два фактора - миф о происхождении Крымского ханства и принадлежность к мусульманской религии – становятся движущей силой, определяющей самоидентификацию крымских татар после возвращения на историческую родину. Базой для самоидентификации является культурное наследие, его возрождение и сохранение.

Особое значение в вопросе восстановления культурного наследия имеют памятные даты, которые связаны с культурными достижениями крымских татар, а также их национальными деятелями культуры. По большому счету, речь идет о днях рождения писателей и художников - Сеитумера Эмина, Нузета Умерова, Джевдета Тахтарова (Беялова, 2013, с. 9).

Кроме этого, весомое значение принадлежит дням, связанным с общетюркской исторической памятью. Например, 25 марта – день рождения турецкого путешественника Эвлия Челеби или 15 февраля – день рождения татарского поэта и Героя Советского Союза Мусы Джалиля (Беялова, 2013, с.7-12). Это подчеркивает осознание крымско-татарским этносом себя как составляющего элемента общетюркской культуры. Большое количество памятных дат указывает на стремление не просто восстановить культурную память, но подчеркнуть уникальность крымско-татарской культуры, которая является фундаментом воссоздания этнической идентичности в новых условиях «пострепатриационного» этапа. Тем не менее, признание своей культурной принадлежности к тюркскому миру, совместно с исламской религиозной самоидентификацией делают этническую идентификацию крымских татар сегодня по большей мере размытой.

16 марта 2014 года народный референдум жителей Крыма проголосовал за присоединение республики в состав Российской Федерации, что и было официально

закреплено 18 марта¹. По данным исследований, у жителей Крыма «сильна местная самоидентификация – со своим регионом (35%) и городом/районом (16%), а уже потом со всей страной» (Рувинский, 2018). Однако для «малых» народностей (татары, греки, болгары), которые «обостренно переживают репрессивные вехи своей истории, именно фактор этничности становится основным критерием осознания принадлежности к социальной общности «своих» (в противовес «чужим» - представителям иной, особенно доминирующей, этнической группы) (Рувинский, 2018). Поэтому эти этносы осознают себя в первую очередь представителями национальных меньшинств, а уже во вторую - жителями Крыма, и только в третью – гражданами РФ. При этом они отличаются высокой лояльностью федеральной российской власти и рассчитывают на реализацию политики поддержки многонациональности в Крыму (ИА ТАСС, 2018). Иными словами, идентичность населения полуострова имеет несколько уровней:

- базовый представлен этнической идентичностью (русские, украинцы, крымские татары и др.);
- региональная идентичность («Я — крымчанин»);
- после воссоединения с Россией набирает силу российская гражданская идентичность («Я — житель России», «Я — россиянин») (Гапизов, 2021, с.205).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самым крупным национальным сообществом в Крыму сегодня являются крымские татары, у которых наглядно просматривается приоритет этнического фактора над общегражданским. Присоединение к РФ лидерами Меджлиса крымско-татарского народа первоначально было воспринято негативно. Главную роль в этом процессе сыграло осознание своей особой исторической судьбы, что, по их мнению, вызывало враждебность окружения с иной, чуждой ей, религиозно-культурной принадлежностью.

По причине антироссийской позиции и лояльности украинской власти в апреле 2016 г. деятельность Меджлиса крымско-татарского народа на территории РФ была запрещена Верховным судом Крыма. Вместо Меджлиса начало действовать движение «Къырым» («Крым»), «Крымские татары - опора Крыма», «Къырым бирлиги» («Единство Крыма»). Кроме того, создаются институты для регулирования мониторинга состояния межнациональных отношений с целью «предупреждения возникновения очагов дестабилизации на почве обострения межэтнических противоречий» (Ерохина, 2016). Создан и целый ряд структур, основными целями работы которых выступают этнокультурное развитие крымских народов и согласование межнациональных интересов: «Дом дружбы народов», государственное автономное учреждение «Медиа-центр им. Исмала Гаспринского», «Центр информационных и социальных технологий развития

¹ С 1 декабря 1991 года территория современной Республики Крым входила в состав Украины.

межнациональных коммуникаций в Республике Крым» и «Севастопольский городской национальный культурный центр» (Ерохина, 2016).

Таким образом, для населения Крыма в целом характерна склонность к доминированию региональной идентичности, осознание своей «особенности», которую необходимо сохранить в первую очередь посредством возрождения культурной памяти, устоявшегося уклада жизни и уникального культурного наследия. Крымские татары открыто признают, что не имеют иной исторической родины, кроме Крыма и не отождествляют себя с татарскими сообществами, проживающими в других российских регионах.

Таким образом, можно говорить о том, что самоидентификация крымских татар может быть охарактеризована как целостная, включающая в свою историческую память элементы как прошлого и настоящего, так и будущего. После многолетнего нахождения вне родных земель и последующее возвращение в Крым, коллективное сознание было подвергнуто некоторой трансформации. В первую очередь, это связано с тем, что прошлое в картине этноса теперь связано не с родиной и могущественным прошлым, а с тяжелым периодом депортации и большими потерями. В то же время, настоящее выражается в попытках возродить былую культуру, использовать культурное наследие для утверждения своей уникальности и в то же время встраивания в пространство гражданской российской идентичности.

Главная задача интеграции крымского общества в российское социально-политическое и социально-экономическое пространства – «не допустить политизации этнического фактора. Взвешенная политика достижения межэтнического и межконфессионального согласия должна работать на достижение цели выстраивания российской гражданско-политической идентичности с сохранением этнокультурного многообразия на полуострове (Гапизов, 2021, с.203).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердиев, К. (2015). Национальная идея и национальная идеология в контексте устойчивости этнокультурной идентичности. *Центральная Азия и Кавказ*, 18, 3-4, 36-47.
- Бекирова, Г.Т. (2008). *Крымские татары. 1941-1991. (Опыт политической истории)*. Симферополь: Тезис, 479 с.
- Белялова, Д. (2013). *Календарь знаменательных и памятных дат крымскотатарского народа. 2014 г.* Симферополь: КРП Издательство «Крымучпедгиз», 51 с.
- Вельцер, Х. (2005). История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение, 780 с.
- Гапизов, З.Р. (2021). Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство. *Государственное управление. Электронный вестник*, 85, 189-210.

- Гаспринский, И. (2017). Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. *ИНТЕЛПРОС - Интеллектуальная Россия: электронный журнал*. Получено из: <http://intelros.ru/index.php?newsid=200>
- Гаспринский, И. (1881). *Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина*. Симферополь: Тип. Спиро, 45 с.
- Ерохина, О. (2016). Проблемы крымчан: самоидентификация, адаптация, межэтнические отношения. *Наука. Общество. Оборона*, 2(7). Получено из: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/>
- Рувинский, В. (2018). Крым как российский фронт. *Ведомости*. Получено из: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/08/28/779271-krim-frontir>
- Кульпин, Э.С. (2013). Крымские татары: эволюция самоидентификации. *Историческая психология и социология истории*, 2, 86-94.
- Кульпин, Э.С. (2013). Национальные цели крымских татар. *Вопросы развития Крыма. Серия «Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы»*, 16, 331-333.
- Постановление ГКО № 5859сс. О крымских татарах. Москва, Кремль. От 11 мая 1944 г.. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 65, л.
- Протасеня, Е.А. (2016). Историческая память как фактор формирования этнической идентичности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2(42), 175–180.
- Новый Крым: спецпроект ТАСС. Получено из: <http://tass.ru/spec/crimea-multinational>
- Сейтхалилова, Л. (2019). Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. *Крымское историческое обозрение*, 1, 18-44.
- Сластникова, Л.А. (2019). Этнокультурная идентификация крымских татар в начале XXI века. Получено из: https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/
- Смит, Э. (2004). *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва: Праксис, 464 с.
- Тощенко, Ж.Т. (2000). Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*, 4, 3-14.
- Хлыщева, Е.В. (2023). Специфика культурной политики стран Прикаспия: сравнительный анализ. *Верхневолжский филологический вестник*, 3, 213-221.
- Червонная, С.М. (1997). Крымско-татарское национальное движение (1994–1996). *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*, 10, 3–28.
- Шпет, Г.Г. (1996). *Введение в этническую психологию*. Санкт-Петербург: Алетеия, 376 с.
- Юнусова, Л. (2002). Шамиль Алядин (краткий обзор жизни и творчества). *Крымскотатарская литература: сборник произведений фольклора и литературы VIII - XX вв.* Симферополь: Доля, 300–304.
- Fisher, A.W. (1978). *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution press, 264 p.
- Williams, B.G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden: E. J. Brill, 520 p.

Williams, B. G. (2002). The Hidden Ethnic Cleansing of Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriation of the Crimean Tatars. *Journal of Contemporary History*, 37, 3, 323-347.

Для цитирования: Хлыщёва, Е.В., Султыева, Л.Р. (2023). Особенности формирования идентичности крымских татар в контексте современных проблем. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 11-23.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_11

REFERENCES

- Allahverdiev, K. (2015). National idea and national ideology in the context of the stability of ethnocultural identity. *Central Asia and the Caucasus*, 18, 3-4, 36-47. (in Russian)
- Bekirova, G.T. (2008). *Crimean Tatars. 1941-1991. (Experience in Political History)*. Simferopol: Thesis, 479 p. (in Russian)
- Belyalova, D. (2013). *Calendar of significant and memorable dates of the Crimean Tatar people. 2014*. Simferopol: KRP Publishing House "Krymuchpedgiz", 51 p. (in Russian)
- Welzer, H. (2005). History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle. *Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe*. Moscow: New Literary Review, 780 p. (in Russian)
- Gapizov, Z.R. (2021). Civilizational identity of the population of Crimea as a factor of integration into the Russian space. *Public administration. Electronic Bulletin*, 85, 189-210. (in Russian)
- Gasprinsky, I. (2017). Russian Islam. Thoughts, notes and observations. *INTELROS - Intellectual Russia: electronic magazine*. Retrieved from <http://intelros.ru/index.php?newsid=200> (in Russian)
- Gasprinsky, I. (1881). *Russian Islam: Thoughts, notes and observations of a Muslim*. Simferopol: Type. Spiro, 45 p. (in Russian)
- Erokhina, O. (2016). Problems of Crimeans: self-identification, adaptation, interethnic relations. *Science. Society. Defense*, 2(7). Retrieved from <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/> (in Russian)
- Ruvinsky, V. (2018). *Crimea is like a Russian frontier*. *Gazette*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/08/28/779271-krim-frontir> (in Russian)
- Kulpin, E.S. (2013). Crimean Tatars: the evolution of self-identification. *Historical psychology and sociology of history*, 2, 86-94. (in Russian)
- Kulpin, E.S. (2013). National goals of the Crimean Tatars. *Issues of development of Crimea. Series "Crimean regional community: genesis, current state, prospects"*, 16, 331-333. (in Russian)
- GKO Resolution No. 5859ss. About the Crimean Tatars. Moscow Kremlin. From May 11, 1944. GARF, f. R-9401, op. 2, d. 65, l. (in Russian)

- Protasenya, E.A. (2016). Historical memory as a factor in the formation of ethnic identity. *Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences*, 2(42), 175–180. (in Russian)
- New Crimea: TASS special project. Retrieved from <http://tass.ru/spec/crimea-multinational> (in Russian)
- Seithalilova, L. (2019). Ethnogenesis of the Crimean Tatars. Reinterpretation of history. *Crimean Historical Review*, 1, 18-44. (in Russian)
- Slastnikova, L.A. (2019). *Ethnocultural identification of the Crimean Tatars at the beginning of the 21st century*. Retrieved from https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/ (in Russian)
- Smith, E. (2004). *Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism*. Moscow: Praxis, 464 p. (in Russian)
- Toshchenko, Zh.T. (2000). Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state. *New and Contemporary History*, 4, 3-14. (in Russian)
- Khlysheva, E.V. (2023). Specifics of cultural policy of the Caspian countries: comparative analysis. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 3, 213-221. (in Russian)
- Chervonnaya, S.M. (1997). Crimean Tatar national movement (1994–1996). *Studies in Applied and Emergency Ethnology*, 10, 3–28. (in Russian)
- Shpet, G.G. (1996). *Introduction to ethnic psychology*. St. Petersburg: Aletheia, 376 p. (in Russian)
- Yunusova, L. (2002). Shamil Alyadin (brief overview of life and work). *Crimean Tatar literature: a collection of works of folklore and literature of the 8th - 20th centuries*. Simferopol: Share, 300–304. (in Russian)
- Fisher, A.W. (1978). *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution press, 264 p.
- Williams, B.G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden: E. J. Brill, 520 p.
- Williams, B. G. (2002). The Hidden Ethnic Cleansing of Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriation of the Crimean Tatars. *Journal of Contemporary History*, 37, 3, 323-347.

For citation: Khlysheva, E.V. & Sultieva, L.R. (2023). Peculiarities of Crimean Tatar Identity Formation in the Context of Modern Problems. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(4), 11-23.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_11

MYPHOSEMIOTIC POTENTIAL OF CULTURAL TOURISM AND ITS ROLE IN STRENGTHENING INTERCULTURAL COMMUNICATIONS OF COUNTRIES AND REGIONS OF THE CASPIAN REGION

Alexey N. Leukhin

Astrakhan Tatishchev State University

Russia, Astrakhan

Email: leuhin_1242@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the mythosemiotic potential of cultural tourism from the perspective of humanitarian (cultural) geography and semiotics. In the process of writing the article, comparative, interpretative and axiological research methods were used. The results of the study suggest a significant unifying potential of the countries and regions of the Caspian region, the implementation of which is possible through the adaptation of cultural tourism programs to innovative technologies of mythological symbolism and tourism branding, capable of forming key images of territories with reference to deep mythological archetypes.

KEYWORDS

cultural tourism; narrative; snake-wrestling myth; gestalt structure; (front-)simadia; spatial visionica.

МИФОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА И ЕГО РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ СТРАН И РЕГИОНОВ ПРИКАСПИЯ

Леухин Алексей Николаевич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Россия, Астрахань

Email: leuhin_1242@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается мифосемиотический потенциал культурного туризма с позиций гуманитарной (культурной) географии и семиотики. В процессе написания статьи использованы сравнительный, интерпретативный и аксиологический методы исследования. Результаты проведенного исследования позволяют говорить о значительном сплачивающем потенциале стран и регионов Прикаспия, реализация которого возможна посредством адаптации программ культурного туризма к инновационным технологиям мифосимволизма и туристского брендинга, способным формировать ключевые образы территорий с отсылкой к глубинным мифологическим архетипам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурный туризм; нарратив; змееборческий миф; гештальт-структура; (фронт-) симадия; пространственная визионика.

ВВЕДЕНИЕ

Туризм, создавая условия для взаимного общения представителей разных этносов, конфессий и культур, является мощным инструментом национальной культурной политики. Развитие культурного туризма в многонациональной России, особенно в таком важном для нашей страны Прикаспийском регионе, ведет к культурному сплочению нации, обеспечивает необходимый рост международного социально-экономического и культурного сотрудничества между Российской Федерацией, Исламской Республикой Иран и другими (постсоветскими) государствами Прикаспия.

Большое значение в реализации стратегии по развитию культурного туризма начинают приобретать перспективные технологии идентификации и конструирования регионально значимых образов, аутентичность которых обладает значительной силой в привлечении туристских потоков, развитии и упрочнении межкультурных коммуникаций.

ТУРИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМИДЖЕЙ ТУРИСТСКИХ РЕГИОНОВ

В отечественной науке изучение туризма как инструмента культуры и средства межкультурной коммуникации получило свое развитие в рамках культурно-географического подхода. Наиболее выдающиеся представители московской школы гуманитарной географии Д.Н. Замятин и И.И. Митин делают акцент в своих исследованиях на аспекты идентификации и моделирования культурно-географических образов культурных ландшафтов.

Согласно позиции Д.Н. Замятина взаимодействие человека с пространством всегда предполагает наличие некоего «географического (мета-)образа...», как «формы физического и умственного освоения этого пространства» (Замятин, 2020, с. 139). Транслируемый мета-образ в разных ситуациях может восприниматься по-разному как: образы пространства и путешествий, трансграничные образы.

Выделенные автором виды образов могут вести к генерации так называемого «опространствления» – технологии по выработке отношения человека к пространству, в результате которого повседневные коммуникации понимаются как «выстраивание, взаимодействие и развитие многообразных пространственных контекстов, уникальных пространств» (Замятин, 2020, с. 139).

Выработанная Д.Н. Замятиным система построения «протообразных карт города» позволяет «схватывать» образы места (территории) и выявлять между ними соответствующие взаимосвязи, выстроенные в определенной знаково-символической последовательности. Совокупность геокультурных, геополитических и иных образов рождает понятие имиджа территории (Замятин, 2014).

Взгляд на культурный туризм как средство постижения геокультурных образов получил свое развитие в творчестве И.И. Митина, согласно которому культурный

ландшафт места имеет множественную структуру, состоящую из символических «пластов» (палимпсеста) – пространственных мифов как системы интерпретации пространства.

Включение интерпретатора в процесс семиозиса пространственных мифов, анализ текстуальных переплетений и контекстов, предполагает наличие у него необходимых межкультурных компетенций, без которых «чтение» отдельных пространственных мифов неизбежно приводит к двусмысленной коммуникации. Устранить двусмысленность призвана объяснительная мифологическая модель коммуникации, которая способна наделять выявленные мифологические образы конкретным значением, рождая тем самым определенную, направленную коммуникацию.

Таким образом, выстраивание по определенным правилам стратегий «игр с пространством» дает возможность территориальным органам управления брендом творчески интерпретировать множественность контекстов места и создавать на этой основе пространственные мифы высокой степени убедительности.

Как подчеркивает сам автор, конструирование имиджей туристских регионов является действенным способом «формирования локальных идентичностей жителей и местного патриотизма» (Митин, 2022, с. 118).

Знакомство и узнавание «текстов» чужой культуры посредством коммуникации туристов с ее носителями, преодоление в этих коммуникациях негативных стереотипов и иных коммуникативных барьеров, возможно благодаря использованию визуальных технологий мифосимволизма и туристского брендинга.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МИФОСИМВОЛИЗМА И ТУРИСТСКОГО БРЕНДИРОВАНИЯ

Попробуем рассмотреть данные технологии на материалах регионов Российского Прикаспия – Астраханской области, Республики Дагестан и Республики Калмыкия, которые занимают особое положение среди других регионов и стран, имеющих выход к Каспийскому морю. Богатое историко-культурное наследие этих регионов, обширный опыт межкультурного общения, уходящий корнями вглубь веков, позволяет им создавать продукты культуры и иные коммуникативные практики, обладающие мощным сплачивающим потенциалом.

Такие продукты, к слову, могут основываться на мифологических и сказочных образах, сюжетах, мотивах наиболее близких и понятных для всех жителей Прикаспийского региона. Мифологические и сказочные образы могут различаться: быть как очевидными, так и скрытыми. Очевидные образы могут быть взяты из окружающего всех нас архитектурного пространства. Скрытые образы – подчерпнуты из самих недр семиосферы, связывающей естественный рельеф поверхности культурного ландшафта с его гиперреальным содержанием – «мифом, тайным учением, сказкой» (Юнг, 2017, с. 218).

Одним из перспективных инструментов по выявлению таких скрытых образов может служить, на наш взгляд, авторская методика визуализации картографических данных, получившая название «пространственная визионика» или просто визионика, значение которой состоит в способности идентификации *визом* – объектов визуальных репрезентаций естественных (природных) и искусственных (антропогенных) формообразований культурного ландшафта.

Формообразование *визом* в природных и антропогенных комплексах территории базируется на выявлении миметических *гештальт-структур* – геоизображений и связанных с ними геообразов, «наблюдаемых на поверхности земли мозаично сложенных конфигураций..., контуры которых, в режиме подобия, формируют некий ансамбль диспозиций представлений..., извлекающих новые смыслы с целью вызвать эмоциогенную реакцию наблюдателя» (Леухин, 2018, с. 110).

Цель пространственной визионики состоит в том, чтобы установить возможные смысловые связи между нарративными повествованиями и геоизображениями отдельно взятого города / региона. Если такие связи обнаруживаются, то данные геоизображения (гештальт-объекты) могут быть рассмотрены как *симадические структуры* или (*визомы*)-*симадии* (от греч. Σημάδι – знак, эмблема, признак чего-то), призванные отождествлять в конкретной пространственной форме некоторые мифологические образы, территориальные символы и смыслы, укорененные в многоуровневом (мифо)семиотическом пространстве.

Таким образом, извлечение из регионального палимпсеста ключевых геообразов территории предоставляет организаторам туризма возможность определить или актуализировать *гения* («духа») *места* (Genius Loci), объективировать его воплощение в материальном субстрате географического пространства, сделать более зримым «исходный код» и «текст» города / туристского региона как наглядной системы его бренд-идентификации.

Применение данной методики на материалах карт Google (режим снимков со спутника) позволило автору выявить в культурном ландшафте двух регионов Российского Прикаспия несколько базовых геоизображений (визом-симадий), отсылающих к образу мифического существа: г. Астрахань – голова и шея «дракона» / «феникса» / «грифона»; г. Элиста – голова и часть шеи «верблюда» (см. рис. 1).

Следует отметить, что процесс идентификации визом-симадий способен визуализировать на плоскости карты целый ряд зооморфных персонажей змееборческого сюжета волшебных сказок и народных эпосов Прикаспия, воспроизвести или модифицировать миф об основании конкретного города / региона в зависимости от культурного контекста территории.

Так, по результатам этнографических экспедиций, проведенных астраханским историком и краеведом Сызрановым А.В. легенда о чудовищном драконе – аждахе, «главном среди змей», жива и по сей день. В сказках юртовских татар и казахов «аждаха прилетает в аул и пожирает людей, но герой-батыр убивает дракона в поединке и спасает мирных жителей. Исследователь отмечает, что согласно легенде,

записанной в XVII веке турецким путешественником Э. Челеби, старая татарская Астрахань (г. Хаджи-Тархан) долгое время являлась местом обитания злого дракона разрушителя-аждерхи. Победа над ним была увековечена в названии всей этой земли, которую стали именовать в честь поверженного властелина – «Аждерхан» или «Драконий» (Сызранов, 2006).

Рисунок 1. Визомы-симадии зооморфов г. Астрахань и г. Элиста¹

По нашему мнению, легенда о поверженном аждахе / аждерхи не столько отражает мифологические представления татар о происхождении Астрахани, сколько постулирует средствами мифосимволизма ключевую роль региона на всем Прикаспии во все времена. Об этом мало кто задумывается, но границы бассейна Каспийского моря своими очертаниями действительно напоминают голову и туловище мифического существа, больше похожего на «дракона».

Идентификация геоизображения «верблюда» в городской черте Элисты так же, как и в случае с Астраханью, имеет привязку к эпическому прошлому коренного населения региона. В калмыцком эпосе «Джангар» описывается битва храброго воина и сподвижника Джангар-хана Мингяна с небесным верблюдом Хавсалом, изо рта которого «пышет десятиязыкий пожар». Современные исследователи сходятся во мнении, что образ верблюда-чудовища, пожирающего все живое в тюрко-монгольских мифах, «объединяется с образом дракона Лу, олицетворяющего гром» (Муравьева, 2023, с. 266). Верблюд как символ самобытной калмыцкой культуры органично интегрирован в архитектурную ткань г. Элиста и представлен несколькими замечательными памятниками в честь животного-труженика, ставшего одним из самых известных региональных брендов Республики Калмыкия. Неслучайно созданный в регионе детский художественный фильм «Небесный

¹ Картографический сервис Google Maps. Получено из: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1BGUnyxGaUFDqnMAW6EuVyXoN2jc&hl=ru&ll=46.43081304628648%2C44.38765144305568&z=11>

верблюду» (2015 г.) подавался в российском медиапространстве как «визитная карточка» истории, традиций и культуры калмыцкого народа².

Необходимо отметить, что мифема небесного верблюда или ездового животного громовержца в исторической ретроспективе утратила связанные с ней отрицательные коннотации, трансформировав негативный образ верблюда-дракона в более привлекательный образ верблюда-птицы (псевдо-грифона)³, который подобно Хан Гаруде – «с одной стороны (является) страшной грозной птицей, приносящей людям горе, с другой – выступает как символическое выражение мечты человека о полете в небо» (Кондаков, 1983, с. 84). Заметим, что именно благодаря помощи птицы Гаруды Джангар-хан смог спуститься с неба, «долго странствовать по земле, по верхнему и нижнему мирам»⁴.

Связь небесного (летающего, крылатого) верблюда с полиморфными существами⁵ мифологии народов Прикаспия, Закавказья и Средней Азии: птицей-грифоном, Симургом / Фениксом (Изумруд) / Гарудой / Анка и др., можно проследить на примере легенды о птице Хумай, отброшенная тень которой, как считали в древности, была способна сделать человека царем. Возможно, именно этот мотив лег в основу одного из символов могущества и богатства Бухарского ханства – крылатого верблюда, образ которого был использован в оформлении трона первых правителей Бухары во времена Средневековья⁶.

Собирательный образ мифических существ-птиц, выступающих в роли волшебного помощника героя-змееборца, в предельно концентрированном виде выражен в образе царя всех птиц Симурга – стража потустороннего мира, насельника Ирия, непримиримого врага всех драконов (летучих змей). Образ мифологической птицы, вобравшей в себя ряд чудесных атрибутов мифических существ, имеет большое символическое значение практически у всех народов Прикаспия и отображен в предметах материальной культуры этих территорий, например: христиан Аварского ханства (изображение грифона на базе колонны из Хунзаха); православных христиан Русской Астрахани (изображения птиц-грифонов и других райских птиц на фасадных изразцах Архиерейского подворья, а также окантовках световых барабанов собора монастыря Троицы Живоначальной в Астрахани) и др.

В иранском эпосе «Шахнаме» птица Симург является покровителем семьи богатыря Рустама – победителя змея (дракона). Таким образом, миф о змееборце и его покровителе в вечном противостоянии сил Света с силами Тьмы, является центральным мифологическим сюжетом волшебных сказок и народных эпосов: русских (Егорий Храбрый, Младший царский сын, Иван-царевич), татар (Два

² «Небесный верблюд» на калмыцких экранах. Получено из: <http://riakalm.ru/news/culture/174-nebesnyj-verblyud-na-kalmytskikh-ekranakh>

³ Большой нос и длинные свисающие губы верблюда напоминают своими очертаниями «клюв» хищной птицы.

⁴ Энциклопедия мифологии. Джангар. Получено из: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/2289/%D0%94%D0%96%D0%90%D0%9D%D0%93%D0%90%D0%A0

⁵ Согласно иранской мифологии Симург выглядит как огромная хищная птица (сокол, орел, ястреб) с чертами человека, льва или собаки.

⁶ Buxoroning ikki o'rkachli va qanotli tuyas tasvirlangan turistik logotipi tasdiqlandi. Получено из: <https://daryo.uz/2017/11/25/buxoroning-ikki-orkachli-va-qanotli-tuyas-tasvirlangan-turistik-logotipi-tasdiqlandi>

джигита, Джигит), калмыков (Джангар, Мингйан, Отхон Шара, Мазан), лезгин (Шарвили), аварцев (Медвежье Ухо), казахов (Ер-Тостик, Хасан), туркмен (Маммеджан, Вдовий сын), азербайджанцев (Малик-Маххамад, Бахрам-Гур), иранцев (Рустам, Исфандияр) и др. (см. табл.).

Образ змееборца и его чудесного помощника может являться наиболее эффективным маркером сближения народов Прикаспийского региона, действенным инструментом налаживания межкультурных и межстрановых коммуникаций. Мифологический нарратив, таким образом, представляет собой наиболее упрощенный и результативный способ познания чужих культур, узнавания мира во всем его многообразии.

Таблица 1. Герои-змееборцы и их волшебные покровители⁷

Герой-змееборец	Страна, этнос	Волшебные птицы, (псевдо-)грифоны		Дракон / змей и его подручные (змеи) как вредители или помощники героя (^)
		Выступают в качестве волшебного помощника в судьбе героя-змееборца	Играют роль антагониста героя-змееборца, который либо уходит от конфликта с ним (*), либо им побежден (**)	
Егорий Храбрый	Россия, русские	–	Острафил-птица* / Черногар-птица*	Мартемьянище / Демьянище / Змей лютый; стадо змеиное / змеи огненные
Младший царский сын, Иван-царевич		Птица-колпица / Птица-сокол	–	Змей (7 голов); Змей (10 голов); Змей (12 голов)
Два Джигита, Джигит	Россия, татары	Золотая птица / Семруг-Кош	–	Ажда(р)ха (7 голов); Змей
Джангар, Отхон Шара, Мазан	Россия, калмыки	Хан Гаруда (птица Гаруда)	–	Светло-пестрая змея
Мингйан		–	Небесный огнедышащий верблюд Хавсал**	Змей^
Шарвили	Россия, лезгины	Волшебная птица	–	Аждаха (3 головы)
Медвежье Ухо	Россия, аварцы	Большой орел	–	Аждаха (1 голова); Аждаха (9 голов); Черная змея

⁷ Составлено автором.

Продолжение таблицы

Ер-Тостик (Ер-Тостік), Хасан (Хасан)	Казахстан, казахи	Самурык (Самұрық) / Алып-кара-кус (Алып қара құс) / Чудесная птица (Ғажайып құс)	–	Змеевидный дракон (Айдаһар жалён)
Маммеджан (Mämmedjan), Вдовый сын (Dul ogly)	Туркменистан, туркмены	Сумруг (Sumrug) / Птица Замыр (Zamyr guşy)	–	Змея (Ýylan) / Аждарха (Ejderha)
Малик-Махаммад (Məlikməmməd)	Азербайджан, азербайджанцы	Анка (Ənqa) = Симург (Simurq)	–	Дракон (Əjdaha)
Рустам (رستم)	Иран, иранцы	Симург (مرغی‌س)	–	Дракон ⁸ (اژدها)
Исфандияр (اریاسفند)		–	Симург ⁹ (مرغی‌س)**	Дракон (اژدها)
Бахрам-Гур (Bəhram Gur, گور بهرام)	Азербайджан, Иран	Анка (Ənqa, آندكا)	–	Дракон (Əjdaha)

Обращение к данному виду нарратива как представителей региональных органов власти, так и организаторов туризма дает возможность конструировать привлекательные и понятные для людей любых возрастов и национальностей системы бренд-идентификации регионов и их отдельных локаций.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ СИЛУЭТОВ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Необходимо отметить, что визомы-симадии могут выражать не только образы естественного (природного) рельефа культурного ландшафта, но и картографические образы границ его территориальных структур, например, административных границ муниципальных образований в форме некоторых предметов, антропо- и зооморфных фигур. Первым, кто предложил подобный вид коммуникации со зрителем, стал иранский арт-дизайнер Реза Рахимьян с его графической инсталляцией (плакатом) «Стандарты делают города умнее», изображающей границы условного города в виде «комбинации переплетающихся линий в мозгу как узнаваемого символа интеллекта и карты оживленных городских районов»¹⁰.

В России так же предпринимались попытки продуктивной визуализации картографических силуэтов городских пространств. Так, например, абрис административных границ города Лабытнанги (Ямало-Ненецкий автономный

⁸ В транскрипции Ezhdehâ.

⁹ В транскрипции Simorğ.

¹⁰ World Standards Day 2017. Celebrating the work of experts worldwide. Получено из: <https://etech.iec.ch/issue/2017-07/world-standards-day-2017>

округ) «в виде ладони с поднятым вверх большим пальцем» использовался для создания логотипа местного Интернет-ресурса «Общественная инициатива»¹¹. В терминах пространственной визионики данный феномен был назван нами – *фронт-симадией*.

Обозначенный подход позволил нам выделить фронт-симадии трех основных городов Российского Прикаспия, которые походят на:

- крылатое существо («феникс» / «жар-птица» / «грифон» / «дракон») – г. Астрахань;
- тело / шкуру переднеазиатского «леопарда» / «барса», «тигра» или «льва» (отсылка к туловищу «грифона» или элементу одежды героя-змееборца) – г. Махачкала;
- всадника на коне («батыра») с поднятой рукой для броска «аркана» – г. Элиста (см. рис. 2).

Синхронизация симадических структур (визом-симадий, фронт-симадий) с наиболее известными достопримечательностями городских пространств Российского Прикаспия открывает широкие возможности для проектирования перспективных визуально-смысловых связей и создания на их основе соответствующих туристских нарративов.

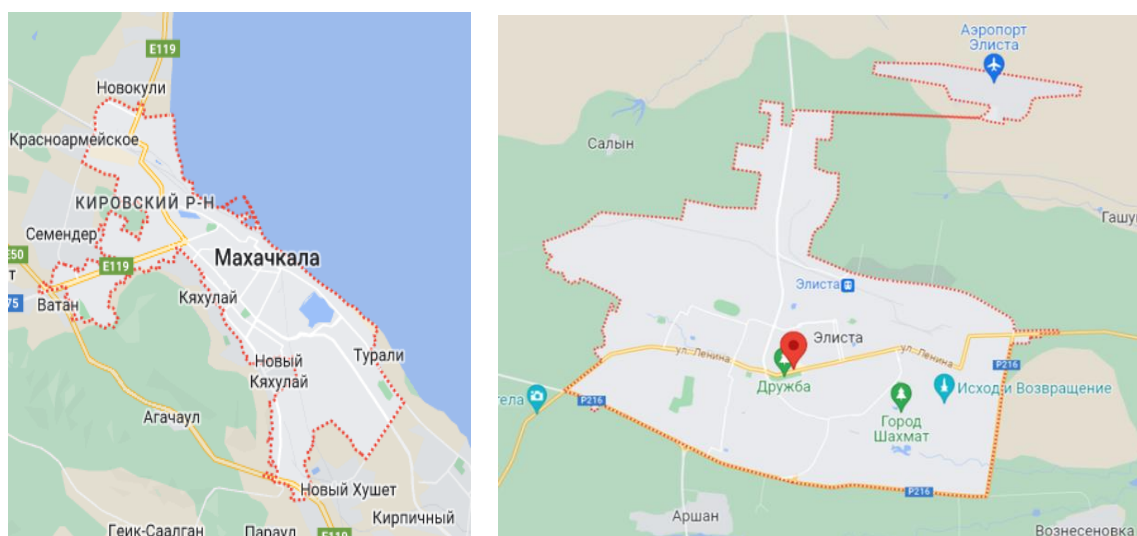

Рисунок 2. Фронт-симадии г. Махачкала и г. Элиста¹²

В качестве основных связующих элементов в выстраивании визуально-семиотических связей между объектами архитектуры, мифологическими образами и художественными символами рассматриваемых регионов были выбраны следующие достопримечательности:

¹¹ Картографический силуэт Лабитнанги стал логотипом «Общественной инициативы». Получено из: <https://t-l.ru/220366.html>

¹² Картографический сервис Google Maps / Google Карты. Получено из: <https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1BGUnyxGaUFDqnMAW6EuVyXoN2jc&hl=ru&ll=46.43081304628648%2C44.38765144305568&z=11>

- *Саратовская государственная юридическая академия* (г. Астрахань, ул. Красная набережная, 7, Усадьба А.И. Губина, 1897–1902 гг., арх. К.К. Домонтович). Уникальность: чугунные кронштейны светильников здания, выполненные в форме сказочных грифонов; фасады сооружения украшены декоративными элементами в виде головы витязя (богатыря Рустама / Геракла) в тигровой или львиной шкуре (образ Геракла указывает на победу над Лернейской гидрой (драконом, змеем), утверждая тем самым значимость для региона сюжета змееборства в исторической ретроспективе).
- *Национальный Музей Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи* (г. Махачкала, ул. Даниялова, 31, Дом купца Авалова, 1876 г., 1903 г., арх. неизв.). Уникальность: массивные скульптуры атлантов, поддерживающие балконы здания (образ атланта связан с образом дракона, который в свою очередь подчиняется силе атланта и даже служит ему).
- *Мозаичное панно на фризе здания авто-, железнодорожного вокзала г. Элиста* (г. Элиста, ул. Привокзальная площадь, 1, 1969 г., художники П. Итяков, Г. Чернокнижный). Уникальность: выложенная из смальты фигура калмыцкого воина (предположительно богатыря Джангара / Мингяна), держащего в руке аркан (?).

Карта-схема визуально-семиотических связей достопримечательностей туристских регионов Российского Прикаспия приведена нами на рисунке 3.

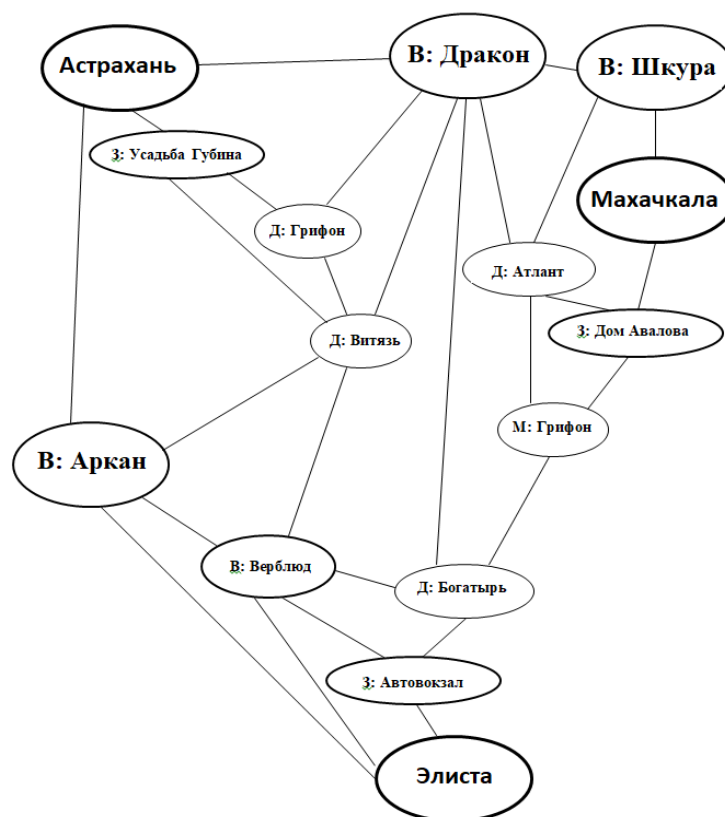

Рисунок 3. Карта-схема визуально-семиотических связей достопримечательностей туристских регионов Российского Прикаспия¹³

¹³ Составлено автором.

Буквенные обозначения указывают на места концентрации территориальных образов в региональном контексте: «З» – здание; «Д» – декоративный архитектурный элемент; «М» – музейный экспонат; «В» – визом-симадия или фронт-симадия.

Репрезентация территориальных образов мифосемиотического пространства города / региона позволяет в едином ключе синтезировать (связывать, объединять) объекты: истории и архитектуры (в том числе связанные с ними события, идеи, представления); традиционной духовной культуры (фольклор, обрядовость, верования); географии (топонимика, особенности рельефа) с целью конструирования убедительного по степени своего эмоционального воздействия туристского нарратива (корпус мифов, историй, легенд), соответствующего «новой идее места, ее пространственного значения, которое бесконечно переделывается, переосмысливается, интерпретируется, наделяется новыми значениями, вырастающими из элементов старого мифа» (Митин, 2022, с. 119).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Туристский нарратив как объект социокультурного проектирования представляет собой «инновационный искусственный ресурс», который позволяет не только актуализировать мифологический потенциал культурного ландшафта территорий, но и прописать его базовые элементы в конкретных пространственных локациях, и вместе с этим, открыть новые возможности прочтения мифосемиотического пространства города / региона как бренда (имиджа) с перспективами коммерциализации в процессе его визуальных репрезентаций (Леухин, 2018).

Визуальные репрезентации позволяют более остро, ярко и объемно воспринимать культурную самобытность территории, уникальность ее регионального контекста, а также преимущества открытой для межкультурных коммуникаций городской среды, формирование которой предполагает:

- обязательное включение в экскурсионные программы турфирм развлекательных компонентов с элементами исторических реконструкций городских легенд, мифов, народных эпосов;
- ребрендинг (корректировка) туристской айдентики (символики) регионов;
- организация туристско-значимых праздников, тематических музеев и скульптур на эпические сюжеты и сказочную тематику;
- создание разветвленного комплекса туристских нарративов с акцентом на общие территориальные символы, сплачивающие народы стран и регионов Прикаспия.

Итак, развитие культурного туризма на территории Прикаспийского региона уже в ближайшие годы определит взаимный, все возрастающий интерес наших народов к памятникам истории, культуры и искусства.

Раскрытие внутреннего мифосемиотического потенциала программ культурного туризма, их последовательная популяризация в современном обществе, позволит рассматривать проблемы нарративизации культурных ландшафтов территорий как мощный фактор поддержания межкультурных коммуникаций, настраивающих людей на диалог друг с другом.

Использование в этом процессе технологических возможностей авторской методики визуализации картографических данных (визионики) способно обозначить новые горизонты идентификации стержневых геообразов регионов, задающих вектор порождения территориальных символов, имиджей и смыслов в целях упрочнения межкультурного взаимодействия коммуникантов, синхронизации их средовых контекстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Замятин, Д.Н. (2014). *Постгеография. Капитал(изм) географических образов*. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 592 с.
- Замятин, Д.Н. (2020). *Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства*. Москва: Алетейя, 139 с.
- Кондаков, Г.В. (1983). *Духовное согласие. Русско-алтайские взаимосвязи советского периода*. Горно-Алтайск, 199 с.
- Леухин, А.Н. (2018). Возможности пространственной визионики в раскрытии семиотического потенциала территорий: на примере города Астрахани. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, 4, 106-117.
- Леухин, А.Н. (2018). Семиотический потенциал туристского пространства: особенности конструирования. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 18, 1, 41-46.
- Митин, И.И. (2022). Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, 1, 49, 108-124.
- Муравьева, Т. (2023). *Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья*. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 328 с.
- Сызранов, А.В. (2006). Драконы и города: к вопросу об астраханско-казанских фольклорных параллелях. *Тюркологический сборник. Выпуск III. Материалы Всероссийской тюркологической конференции «Языки и литература тюркских народов: история и современность»*. Елабуга, 282-285.
- Юнг, К.Г. (2017). *Человек и его символы*. Москва: Серебряные нити, 218 с.

Для цитирования: Леухин, А.Н. (2023). Мифосемиотический потенциал культурного туризма и его роль в укреплении межкультурных коммуникаций стран и регионов Прикаспия. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 24-37.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_24

REFERENCES

- Zamyatin, D.N. (2014). *Postgeography. Capital(ism) of geographical images*. St. Petersburg: IC «Humanitarian Academy», 592 p. (in Russian)
- Zamyatin, D.N. (2020). *Geocultural branding of cities and territories: from theory to application. A book for those who want to design and create other spaces*. Moscow: Aletheia, 139 p. (in Russian)
- Kondakov, G.V. (1983). *Spiritual harmony. Russian-Altai relations of the Soviet period*. Gorno-Altai, 199 p. (in Russian)
- Leukhin, A.N. (2018). Possibilities of spatial visioning in revealing the semiotic potential of territories: the example of the city of Astrakhan. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 4, 106-117. (in Russian)
- Leukhin, A.N. (2018). Semiotic potential of tourist space: design features. *News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 18, 1, 41-46. (in Russian)
- Mitin, I.I. (2022). The city as a palimpsest: from historical and geographical metaphor to a semiotic model of territorial management. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects*, 1, 49, 108-124. (in Russian)
- Muravyova, T. (2023). *Myths of the Volga region. From the Wolf Lord and the World Tree to the cult of snakes and the bird of happiness*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 328 p. (in Russian)
- Syzranov, A.V. (2006). Dragons and cities: on the issue of Astrakhan-Kazan folklore parallels. *Turkological collection. Issue III. Materials of the All-Russian Turkological Conference «Languages and Literature of Turkic Peoples: History and Modernity»*. Elabuga, 282-285. (in Russian)
- Jung, K.G. (2017). *Man and his symbols*. Moscow: Silver threads, 218 p. (in Russian)

For citation: Leukhin, A.N. (2023). Myphosemiotic Potential of Cultural Tourism and Its Role in Strengthening Intercultural Communications of Countries and Regions of the Caspian Region. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(4), 24-37.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_24

LANGUAGE SITUATION IN MODERN TURKMENISTAN

Dmitriy A. Chernichkin

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: chernichkin95@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

ABSTRACT

Within the framework of this article, the author made an attempt to characterize the specifics of the language policy of Turkmenistan during the period of independence, both from the point of view of its historical transformations, and its current state based on the results of a comprehensive sociological study conducted in 2023. In the process of the study, the attitude of respondents to the modern language situation in Turkmenistan was revealed, the main problems associated with the ongoing language policy were analyzed, and the position of the Russian language in the country was determined.

KEYWORDS

Turkmenistan; language; language policy; de-Russification; Russian language.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was carried out by a grant from the Russian science foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the caspian macroregion in the context of societal security».

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Черничкин Дмитрий Алексеевич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

E-mail: chernichkin95@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

АННОТАЦИЯ

В рамках данной статьи автором была предпринята попытка охарактеризовать специфику языковой политики Туркменистана периода независимости как с точки зрения ее исторических трансформаций, так и ее современное состояние на основе результатов проведенного в 2023 г. комплексного социологического исследования. В процессе исследования было выявлено отношение респондентов к современной языковой ситуации в Туркменистане, проанализированы основные проблемы, связанные с проводимой языковой политикой, а также определено положение русского языка в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Туркменистан; язык; языковая политика; дерусификация; русский язык.

БЛАГОДАРНОСТЬ

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ВВЕДЕНИЕ

В последние три десятилетия в мире происходят активные процессы взаимопроникновения, слияния и интеграции культур, которые приводят к размыванию или формированию новых вариаций идентичности. В связи с этим социальные аспекты функционирования языка и решение проблем формата «язык и общество» выходят на передний план в современных социальных исследованиях. Язык, особенно в мультиязычной или поликультурной среде, отражает тесную связь между культурными и материальными требованиями соответствующих субъектов. Сама культура представляет собой набор устойчивых верований и практик, состоящих из «приспособлений, изобретений и инноваций, которые определяются заданными параметрами идентичности, повседневными практиками, а также стратегическим выбором их носителей» (Edensor, 2002).

При контакте с другими группами и другими языками использование определенного языка помогает отделить группу и ее культуру от других групп (Фрик, 2013), а также служит маркером различия и членства в этой группе (Byram, 2006). И здесь мы сталкиваемся с существенной особенностью языка в конструировании идентичности: язык является эффективным инструментом формирования образа «Другого»; «это инструмент, с помощью которого мы можем превратить «мы» в социологическое «не мы» (другой)» (Семененко, 2017). Механизмы этого инструмента включают в себя основные и второстепенные аспекты идентичности, которые демонстрируют сходство или различие и, таким образом, обеспечивают исключительность членства в группе. Исследователи М. Эдвидж и Ж. Мартино поддерживают данное утверждение считая, что языковой выбор, когда существует возможность, является способом обозначения политической лояльности той или иной группе, индексируемой этим языковым кодом (Edwige & Martineau, 2022).

В контексте постсоветского пространства понимание культуры как наблюдаемого и однородного группового атрибута, и маркера объективных различий между народами парадоксальным образом придало языковому вопросу мощную эмоциональную окраску. При оценке языковой политики постсоветских стран каспийского региона прежде всего следует отметить, что все они подписали конвенции СНГ «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» (Конвенция об обеспечении...web) и «О правах и основных свободах человека» (Конвенция Содружества Независимых...web), где зафиксированы фундаментальные правовые принципы взаимодействия государств с этническими меньшинствами. Нормативная база языковой политики в постсоветских республиках преимущественно сосредоточена в их конституциях, законах о языке и об образовании, которые на протяжении всего периода независимости в некоторых государствах претерпели и претерпевают значительные изменения.

В рамках данной статьи автором была предпринята попытка охарактеризовать специфику языковой политики Туркменистана периода независимости как с точки

зрения ее исторических трансформаций, так и ее современное состояние на основе результатов проведенного в 2023 г. комплексного социологического исследования. В процессе исследования было выявлено отношение респондентов к современной языковой ситуации в Туркменистане, проанализированы основные проблемы, связанные с проводимой языковой политикой, а также определено положение русского языка в стране.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Сложность объекта исследования, а также сильная закрытость страны затрудняет поиск и анализ научных работ, посвященных изучению текущей языковой ситуации в Туркменистане, особенно в практической плоскости. Однако имеется ряд публикаций зарубежных авторов, посвящённых изучению языковой политики Туркменистане в контексте языковой ситуации в Центральной Азии (Fierman, 2021; Aminov and etc. 2010; Pamir Dietrich, 2011; Liddicoat, 2019; Reeve, 2023). В отечественном научном дискурсе данная тематика также представлена весьма слабо. По большей части, это теоретические работы, зачастую опирающиеся на законодательные акты страны и официальные заявления руководства Туркменистана (Евдокимов и др. 2020; Боженкова & Пантелеева, 2019; Реджепова, 2023; Инаятова & Беккер, 2021). Изменчивость положения русского языка в контексте «дерусификации» Туркменистана, рассмотрена в работах Х. Юй (Юй, 2020) и В. Исерелл (Исерелл, 2021). Языковая ситуация в Туркменистане периода правления Г. Бердымухамедова проанализирована в работе Е. В. Логачевой, Д. Исмоилова и С. Оразгылыджовой (Логачева и др., 2019); исследованию особенностей функционирования русского языка в постсоветском Туркменистане и, связанной с этим, спецификой методических взглядов на его изучение как неродного в учебных программах для туркменских школ посвящены работы Т.В. Кудояровой (Кудоярова, 2010), Б.Б. Мамедова (Мамедов, 2007), О.А. Бабаниязова и И.В. Котенко (Бабаниязов & Котенко, 2015). Однако, при всей «многоаспектности» данной темы, практически отсутствуют научные работы, основанные на данных практических исследований.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной целью данного исследования является выявление специфики языковой политики Туркменистана на современном этапе. Задачами данного исследования являлись:

- периодизация развития языковой политики независимого Туркменистана;
- оценка современных позиций иностранных языков в Туркменистане;
- выявление особенностей развития русскоязычного образования в туркменских учебных заведениях.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках практической основы данного исследования авторами был применен синтез нескольких социологических методов:

1. опрос в форме электронного анкетирования, проведенный в сентябре 2023 года, целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Туркменистане. В качестве объекта исследования выступали граждане Туркменистана, являющиеся студентами учебных заведений г. Астрахани. Предметом исследования – особенности конструирования новых идентичностей в Туркменистане (в частности, затрагивались вопросы языковой политики в стране). Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 350 респондентов. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (граждане Туркменистана), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов. Инструментарий и матрица исследования были разработаны авторами исследования. Анкета была предложена к заполнению на двух языках – русском и туркменском. Обработка и анализ полученных данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 28. Статистический анализ включал анализ линейных (одномерных) распределений ответов респондентов на вопросы анкеты и осмысление параметров таблиц сопряженности.

2. серия фокусированных групповых интервью среди студенческой молодежи – граждан Туркменистана. По причине того, что данная страна является достаточно закрытой, провести полевые исследования непосредственно на территории республики среди жителей всех возрастных групп и социального статуса для исследователей на данном этапе не представляется возможным. Поэтому основными информантами в данном случае выступили иностранные студенты, граждане Туркменистана разных ступеней обучения нескольких российских ВУЗов: Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева, Кубанского государственного университета и Адыгейского государственного университета. Всего было проведено 6 фокус-групп со студентами в возрасте от 18 до 30 лет; распределение по полу – 70% мужчин и 30% женщин.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Условно можно выделить два этапа развития языковой политики в Туркменистане: языковая политика во время правления первого президента Ниязова С.А. и языковая политика после прихода к власти Бердымухамедова Г.М.

Началом 1 этапа можно обозначить принятие руководством Туркменской ССР 31 октября 1989 года Государственной программы развития и распространения туркменского языка и совершенствования образования на русском и других языках (Сяньминь & Чуньхун, 2022). А уже 24 мая 1990 г. года был обнародован «Закон о

языке» (Закон Туркменской Советской...web), который повысил статус туркменского языка до государственного и предоставил русскому языку статус языка межнационального общения (до 1996 г.). Провозглашение Туркменистаном 27 октября 1991 г. государственной независимости послужило началом новой эры в языковой жизни страны. Языковая политика в этот период, по мнению многих исследователей (Сяньминь & Чунхун, 2022; Алпатов, 2013; Боришполец, 2014; Исерелл, 2021), характеризовалась туркменизацией и дерусификацией в языковой жизни общества, а также была нацелена на удовлетворение потребности в конструировании национально-государственной идентичности.

Значительным шагом на пути к дерусификации Туркменистана стал перевод туркменской письменности на латинскую основу. Начало релатинизации туркменского алфавита было положено постановлением президента С. Ниязова №1380 от 25 июня 1993-го года, утверждающим Государственную программу по внедрению в жизнь нового алфавита туркменского языка (Дятленко, 2008, с. 93). Как таковой, процесс релатинизации не является уникальным для постсоветского пространства. Релатинизация проводилась и в ряде других государств на постсоветском пространстве, а в некоторых государствах проводится и в настоящее время, однако, именно в Туркменистане, как это отмечает исследователь П.И. Дятленко «этот процесс, был проведён с наибольшей последовательностью» (Дятленко, 2008, с. 102). Уже 29 сентября 1994 года было принято Постановление № 1956, определившее график работы по внедрению нового алфавита в образовательные учреждения (Ландау, 2004). Латинский алфавит был официально введен в систему образования с 1995–1996 учебного года. Переход алфавита с кириллицы на латиницу стал одним из ключевых шагов языковой реформы периода Ниязова С.А.

Одновременно с переводом письменности на латинскую графику была проведена «чистка» туркменского языка от различных «русизмов» и «интернационализмов». К примеру, в результате такой чистки из туркменского языка исчезли слова «акт», «гражданин», «документ», «командировка», «комиссия», «материалы», «медицина», «орган», «президент», «протокол», «социальный», «территория», «форма» и др. Из-за отсутствия в туркменском языке точных соответствий устранимым словам в ходе замены последних фактически происходила замена смыслов: гражданина сменил подданный (райат), орган власти — учреждение (эдер), комиссию — группа (топар) и т.п.

Параллельно с релатинизацией были закрыты все русскоязычные СМИ за исключением газеты «Нейтральный Туркменистан». Теперь же туркменский язык стал единственным языком в системе образования, науки, СМИ, а также межнационального общения. А миграция русского населения из страны еще больше подорвала «жизнеспособность» русского языка в Туркменистане.

В сфере образования Туркменистана языковая реформа проявлялась следующим образом. Образование на русском языке было сведено к минимуму, и как следствие русский язык потерял статус языка обучения, на смену которому

пришёл, соответственно, туркменский язык. С 2002 года в Туркменистане стали массово закрывать русскоязычные школы. Изначально в них было сокращено количество учебных часов по предмету «Русский язык», а в дальнейшем было максимально сокращено количество русских классов. С 1995 г. высшее образование в стране стало доступно исключительно на туркменском языке. В вузах перестали действовать учебные программы, готовящие учителей русского языка и литературы, кроме одного педагогического института в Туркменабаде (Арефьев, 2012). Помимо русскоязычных школ были также закрыты школы с обучением на казахском и узбекском языках.

Развитие других тюркских языков было ограничено, кроме турецкого языка, который пользовался популярностью в тот период в связи с налаживанием тесного сотрудничества между Туркменистаном и Турцией. В рамках Движения Гюлена (Gülen Movement) были открыты школы с обучением на турецком языке и турецко-туркменские школы. В 1994 году был создан Международный туркмено-турецкий университет (Иванов, 2014). Однако, большинство этих образовательных учреждений перестали действовать уже в период второго президента Туркменистана.

Итогом данной языковой реформы и других мероприятий по «туркменизации» общества, по мнению О.Б. Януш, выразился «в глубоком падении уровня образования, здравоохранения, науки, культуры и искусства. Выросло поколение молодежи, не имевшее доступа к достижениям мировой системы образования, науки и культуры и не знающее собственной дореформенной литературы» (Януш, 2016, с. 404).

Приход к власти Г. Бердымухамедова ознаменовал новый этап реформ в Туркменистане, в частности в сфере языковой политики. Определённые надежды на восстановление полноценного преподавания русского языка возлагались на реформу образования, объявленную в 2007 году. Так, с переходом на 12-летнее среднее образование в школах Туркменистана было открыто порядка 200 классов с преподаванием на русском языке. В 2008 г. в туркменских учебных заведениях были проведены «Дни русского языка», организованы выставки и конференции, посвященные изучению русского языка в стране. Фирма «Деловой мир – Туркменистан» безвозмездно распространила среди ашхабадских школ и библиотек 26,5 тыс. российских учебников (из них более 13 тыс. получила российско-туркменская школа). В дар российско-туркменской школе передано 30 комплектов видеокассет с записями учебных курсов по русскому языку и литературе. В тот же период в Туркменистан из России также начались поставки учебной литературы на русском языке за счет целевых средств бюджета РФ (Бабаниязов & Котенко, 2015).

По решению второго президента русский язык стал обязательным предметом в туркменских школах. Обучение русскому языку теперь начинается во втором семестре 1-го класса и длится до 10-го класса. В 2009–2010 годах около 900 000 учащихся изучали русский язык в 1–10 классах (Арефьев, 2012, с. 151). В 2013 году в Ашхабаде были созданы новые классы преподавания русского языка, которых насчитывалось более 700 (Виноградов web).

Характеризуя деятельность классов с русским в качестве основного языка обучения, ряд исследователей, к примеру О.А. Бабаниязов и И.В. Котенко отмечают, что дети из семей нерусскоязычных народностей зачастую составляют до 60% учащихся (Бабаниязов & Котенко, 2015). А согласно аналитическому сайту «Cabar» (2019) отмечается, что родители нерусскоязычных детей, обучающихся в русских классах, считают, что качество образования в них выше, нежели в туркменских школах (Туркменский парадокс...web). Примечательно, что именно представители туркменских властей предпочитают отдавать своих детей в «русские классы». Популярность русскоязычных классов и их ограниченное количество приводят к их переполненности (по некоторым данным до 45-50 человек в классе) и, соответственно, к коррупции в образовательных учреждениях – так, по некоторым данным, размер взятки, необходимой для устройства «школьника в русский класс составляет около 1500 долларов США» (Туркменский парадокс...web), по другим же данным размер взятки составляет от 400 до 2000 американских долларов (Панфилова, 2020).

Что касается положения английского языка в Туркменистане, то на сегодняшний день он является обязательным предметом в классах – с первого по одиннадцатый (и двенадцатый с 2013 года). Также в Туркменистане действуют различные иностранные образовательные программы по обучению английскому языку, такие как Международная программа студенческого обмена Global UGRAD, программа «Институты по изучению США» (SUSI) для преподавателей высших учебных заведений и исследователей», SUSI для студентов и для представителей сферы среднего образования и ещё ряд программ, предлагаемых отделом информации и культуры Посольства США в Туркменистане. Эти программы предлагают гражданам Туркменистана ресурсы для изучения английского языка и возможности обучаться в США. По данным исследования Ч. Сяньмина и Б. Чуньхуна «английский язык является первым иностранным языком в Туркменистане» (Сяньминь & Чуньхун, 2022, с. 359).

Ситуация с тюркскими языками в Туркменистане обстоит несколько хуже, чем с русским языком: закрыты практически все школы с обучением на турецком языке, и до сих пор в этой стране не существует государственных образовательных учреждений с другими тюркскими языками (т.е. кроме туркменского). Однако в противовес этому, власти Туркменистана предложили на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН провести в 2024 году Международную неделю тюркских языков, приуроченную к 300-летию со дня рождения Махтумкули, а также учредить «Всемирный день тюркских языков», с целью «продвижения межкультурного диалога и имплементации резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по поддержке многоязычия в международных отношениях» (Туркменистан предложит ООН...web).

Но несмотря на все действия со стороны властей Туркменистане по смягчению, а в некоторых случаях развитию иностранных языков в стране, процессы, направленные на сохранение и укрепление статуса туркменского языка как

государственного во всех сферах общества страны все еще продолжают. 29 января 2019 года было принято постановление № 1085, по которому был образован Национальный институт языка, литературы и рукописи имени Магтымгулы Академии наук Туркменистана (В структуре АНТ создан...web). Его задача заключается в «дальнейшем совершенствовании процесса глубоко научного, скрупулёзного изучения туркменского языка, литературы и рукописного наследия туркменского народа» (Национальный институт языка...web). В законе об образовании 2013 года было установлено, что «туркменский язык как государственный является основным языком обучения и воспитания в образовательных учреждениях всех типов, независимо от их форм собственности. Все образовательные учреждения Туркменистана должны обеспечить обучение государственному языку» (Закон Туркменистана об образовании...web).

Таким образом можно резюмировать, что в рамках первого этапа языковая политика Туркменистана носила искусственный и жёсткий характер, а административные меры и властные механизмы играли достаточно важную, точнее, определяющую роль в реализации государственной языковой политики этого периода. В рамках же второго этапа уделение внимания обучению иностранным языкам и восстановление важности обучения русскому языку стало определяющей предпосылкой в развитии международных связей Туркменистана.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем перейти непосредственно к анализу текущей языковой ситуации в Туркменистане, стоит отметить, что информантами в социологическом исследовании выступала, по большей части, студенческая молодежь, обучающаяся в российских ВУЗах, мнение которой зачастую не отражает официальную позицию властей Туркменистана по языковой проблеме в стране.

В начале участникам фокус групп предлагалось назвать иностранные языки, распространенные в Туркменистане. Среди них были отмечены прежде всего русский, английский и узбекский. Также информанты отметили наличие диалектов в стране, которые несмотря на то, что незначительно препятствуют взаимопониманию, могут выступать в качестве показателя территориальной принадлежности (в частности, на это указывает наличие так называемого «официального туркменского», на котором, однако говорит небольшое количество человек):

Модератор: какие языки распространены в Туркменистане?

Информант 1: русский, английский, туркменский в 1 очередь.

Информант 2: кроме туркменского – русский, английский, некоторые знают турецкий, узбекский, казахский

Модератор: какие языки популярны в Туркменистане? Какие люди знают?

Информант 1: ну туркменский, русский, английский, китайский, узбекский.

Информант 2: русский, туркменский и узбекский.

Информант 3: еще если мы говорим про языки, стоит сказать, что у нас есть диалекты, но мы же все равно понимаем друг друга. Я вот говорю не именно на официальном языке ведь.

Информант 2: да, но понять то можно, есть отличия.

Информант 1: никто на стопроцентно официальном все-таки не разговаривает, в нашем регионе точно

Информант 2: ну в Ашхабадском регионе тоже не разговаривают, они тоже добавляют какие-то такие слова

Информант 3: нет, нет! Там есть такие прям знаешь, туркмены-туркмены, они разговаривают.

В дальнейшем мы попросили информантов рассказать, где сейчас в Туркменистане используется русский язык. На основе высказываний информантов можно прийти к выводу, что ареал распространения русского языка – сфера услуг и неформальное общение. Коммуникация в государственных учреждениях находится под контролем, особенно в официальных ситуациях, об этом красноречиво свидетельствуют такие слова: *«Если в школе работаешь, то можно между собой на русском общаться. А когда уже к директору заходишь, тогда на официальном»:*

Модератор: скажите, пожалуйста, в каких ситуациях сейчас используется русский язык в Туркменистане?

Информант 1: в городе между собой разговариваем на русском языке, в общении пользуемся.

Информант 2: в некоторых местах на русском языке общаемся. Салоны красоты, магазины.

Модератор: скажите, где в Туркменистане разговаривают на русском языке? На работе говорят?

Информант 1: нет, на работе – нет.

Информант 2: официальный, государственный язык – туркменский, и все должны на нем разговаривать.

Информант 1: если в школе работаешь, то можно между собой на русском общаться. А когда уже к директору заходишь, тогда на официальном.

Информант 3: я лично только в посольстве разговаривала

Информант 1: у нас еще аптеки есть, где разговаривают на русском.

Исследование Т.В. Кудояровой также подтверждает вышеприведенные данные об использовании русского языка в Туркменистане: «туркменское население понимает и охотно говорит по-русски, хотя степень владения языком различна. Если не юридически, то фактически русский язык продолжает играть роль языка межнационального общения.» (Кудоярова, 2010, с. 73).

С другой стороны, подавляющее большинство студентов из Туркменистана, приезжающие на обучение в российские ВУЗы плохо владеют или совсем не владеют русским языком. По мнению Г. Сайфуллиной «абитуриенты из этой страны плохо знают русский язык, поэтому их прежде всего обучают языку, для того, чтобы они могли освоить программу» (Сайфуллина...web), а использование в России кириллической системы письма (в противовес латинской) только усложняет

обучение русскому языку туркменских студентов. Согласно другому исследованию П.А. Дитриха «Отсутствие уроков русского языка в туркменских школах, фактический запрет на подписку на российскую прессу – все это отрицательно сказалось на уровне владения русским языком. Молодое поколение может почти не говорить по-русски. Хотя в столице на русском языке еще говорит некоторое количество людей. Но в провинциях он почти забыт.» (Pamir Dietrich, 2011). Стоит отметить, что согласно количественному опросу, проведённому нами в 2023 году, 98% студентов выбрали заполнение анкет на туркменском языке, что также добавляет уверенности в довольно низком владении русским языком большинства населения Туркменистана.

Однако, необходимо обратить внимание, что, исходя из результатов количественного опроса, большинство опрошенных положительно относятся к использованию русского языка: в образовании (79,0%), в официальной обстановке (76,1%), в СМИ (72,5%), на работе (66,3%), в повседневном общении (65,7%), в семье (64,1%). Можно сделать вывод, что несмотря на усилия туркменских властей по популяризации туркменского языка и закреплению его использования как основного во всех сферах общественной жизни, русский язык продолжает пользоваться высокой популярностью в стране. Подробные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Как Вы относитесь к использованию русского языка (%)

		Положительно	Нейтрально	Отрицательно
1.	в официальной обстановке	76,1	18,4	5,5
2.	в СМИ	72,5	22,3	5,2
3.	в образовании	79,0	17,2	3,9
4.	в семье	64,1	27,5	8,4
5.	в повседневном общении	65,7	29,4	4,9
6.	на работе	66,3	27,8	5,8

Отметим, что согласно исследованию Центра языковой политики и международного образования Государственного института русского языка, им. А.С. Пушкина Туркменистан занимает лидирующие позиции по сравнению с другими государствами Содружества в использовании русского языка в культурной сфере (Туркменистан назван одной из...web). Однако, по данным Института исследований Центральной Азии, 82% населения Туркменистана не знают русского языка, а 18% — владеют русским языком в разной степени и представляют собой старшее поколение, которое выросло в позднесоветское время (Что известно о русском языке...web).

Чтобы расширить полученную информацию об использовании русского языка мы попросили информантов смоделировать ситуацию, когда турист приезжает в Туркменистан и выбирает, на каком языке лучше говорить: на русском или

английском. В абсолютном большинстве случаев было предложено общаться на русском. Информанты отметили, что даже если люди плохо говорят, они понимают смысл сказанного и могут объясниться жестами. Ими также было отмечено, что ситуация различается в центральных городах и в селах, где количество людей, знающих русский язык меньше. Говоря об английском языке, отмечалось, что небольшое количество молодёжи знает английский язык, однако в стране туристам лучше говорить по-русски:

Модератор: Давайте представим себе такую ситуацию: я знаю только два языка: русский и английский. На каком из них мне лучше общаться, если я приеду в Туркменистан как турист?

Информант 1: ну если прям в городе, в Ашхабаде, можете прям на русском, многие русские, русские магазины, ну можно общаться.

Информант 2: ну вот мы же на русском говорим (смех). Даже не знающие, даже плохо знающие, они объяснят вам, хотя бы жестами они понимают, но ответить не смогут. Если вы попадете в центр региона, то вам объяснят, а если в село поедете, то там, конечно, хуже может быть, но и там тоже так объяснят, куда сесть, куда поехать...

Модератор: Давайте представим себе такую ситуацию: я знаю только два языка: русский и английский. На каком из них мне лучше общаться, если я приеду в Туркменистан как турист?

Информант 1: на русском.

Информант 2: если вы с молодым поколением будете разговаривать, моё поколение, там некоторые знают английский, но в магазинах лучше на русском, на базарах...

Согласно данным количественного опроса туркменский и русский языки должны являться приоритетными в использовании на территории Туркменистана. На второй по популярности позиции располагается вариант «туркменский, русский, английский, турецкий» (30,1%). За использование только туркменского языка высказались только 26,5% респондентов (см. табл. 2).

Таблица 2. Как Вы считаете, какой язык (или языки) должен/должны являться приоритетным(и) в использовании на территории Туркменистана? (%)

Вариант ответа		%
1.	Только туркменский	26,5
2.	Туркменский и русский	36,6
3.	Туркменский и английский	2,9
4.	Туркменский и турецкий	0,6
5.	Туркменский, русский, турецкий	1,3
6.	Туркменский, русский, английский, турецкий	30,1
7.	Затрудняюсь ответить	1,9

В завершении фокус-групповых интервью мы спросили информантов о том, где в Туркменистане в настоящий момент можно учить русский язык. Исходя из ответов, можно сказать, что русский язык является приоритетным иностранным языком для изучения в школах. В то же время нельзя сказать, что это обеспечивает повсеместное им владение, так как многие изучают язык без желания:

Модератор: скажите, пожалуйста, где сейчас можно выучить русский язык в Туркменистане?

Информант 1: да, много сейчас, ну все учат, с 1 класса до окончания. Потому что у нас идёт русский язык, идёт как 1 иностранный, 2 иностранный - английский. Ну это зависит ещё и от школы, ну в основном так.

Модератор: значит многие учат русский? Получается?

Информант 4: ну с желанием. Кто-то нет. Не все. Ребята учились, некоторые не понимали вначале, но они все равно ходили, конечно, но не знали угу, так что если человеку нравится, то он учится, разговаривать если нет, то нет. Модератор: а кто на это влияет? Откуда берется желание?

Информант 2: Мне кажется, влияет семья, ну лично для меня, потому что в семье с папой в большинстве разговариваем на русском. И когда мне непонятны русские слова, я у него узнаю, и по телевизору русские каналы.

Информант 6: вот знаете еще что – хороший опыт. Мы сами как ведь в Россию попадаем – через родственников, многие тут учились братья или сестры – они рассказывают, что к чему и так появляется желание учить русский.

В частности, на уровень владения русским языком влияет также доступность его обучения. 2020-м году, в преддверии нового учебного года, в Ашхабаде были закрыты классы с обучением на русском языке. Закрытие этих классов мотивировалось необходимостью соблюдения санитарно-гигиенических норм. Согласно В. Панфиловой (2020), родителям детей, учащихся в русских классах, администрации школ объяснили их закрытие «борьбой с распространением коронавируса», но если учитывать, что власти Туркменистана отрицают наличие коронавируса в стране, то понятно, что процесс деруссификации остается актуальным по сей день (Панфилова, 2020). В связи с закрытием русских классов посольство России в Ашхабаде «обратилось к туркменистанской стороне за разъяснениями по данному вопросу» (МИД РФ, 2020). Так как запрос остался без ответа, МИД России направил ноту в МИД Туркменистана с «просьбой прояснить ситуацию в целях восстановления русскоязычных классов, что отвечало бы положениям Договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном от 23 апреля 2002 года, предусматривающего поощрение изучения русского языка в Туркменистане и туркменского языка в Российской Федерации» (Договор о дружбе и сотрудничестве...web), которая также осталась без ответа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- языковая реформа периода правления С. Ниязова носила искусственный и жёсткий характер, а административные меры и властные механизмы играли достаточно важную, точнее, определяющую роль в реализации государственной языковой политики этого периода. Административные меры и властные механизмы играли достаточно важную, точнее, определяющую роль в реализации государственной языковой политики этого периода. В период правления Г. Бердымухамедова можно отметить 2 ключевых изменения: уделение внимания обучению иностранным языкам и восстановление важности обучения русскому языку, что стало определяющей предпосылкой в развитии международных связей Туркменистана

- политика «дерусификации» языка в Туркменистане постепенно привела к изоляции местного населения и выразилась не только к неспособности получения альтернативной информации (посредством российских СМИ и большинства иностранных сайтов), но и к эффектам, наблюдаемым в двух плоскостях: в пространстве (неспособность осуществления эффективной трудовой миграции, трудности обучения в российских ВУЗах и получения гражданства РФ), а также во времени (прерванный временной континуум делает невозможным приобщение к достижениям как мировой, так и туркменской науки и культуры доступных в изданиях и переводах советского периода, использующих русизмы, интернационализмы и туркменскую кириллицу). А обозначенные выше эффекты проводимой политики дерусификации вкупе с малым объёмом осуществляемых в настоящее время переводов научной и художественной литературы на туркменский язык (как современных, так и классических трудов и произведений) неизбежно приведёт к интеллектуальной изоляции туркменского народа.

- Русский язык как иностранный фактически не имеет конкурентов по степени распространения в Туркменистане (владение основными «конкурентами» – английским и турецким слабее). Вместе с тем, общение на нем носит скорее локализованный, специализированный и утилитарный характер: в сферах торговли и услуг, в неформальной обстановке. В государственных учреждениях общение должно вестись на туркменском языке. Таким образом ареалы распространения русского языка – города, как можно предположить – в силу неразвитости русского языка в сельской местности.

Поскольку туркменские власти предпочитают балансировать между различными международными партнерами, такая внешняя политика может повлиять на положение русского языка в Туркменистане. Учитывая стремление туркменских властей предотвратить отток абитуриентов за границу, менее правдоподобно ожидать расширения возможностей изучения русского языка в стране. Несмотря на популярность некоторых российских вузов среди туркменских абитуриентов (например, Казанского федерального университета, Астраханского государственного университета и др.), деятельность российских вузов и школ Туркменистана как по преподаванию русского языка, так и по подготовке абитуриентов к поступлению экзамены в основном зависят от переговоров на

высшем уровне. Не многим российским регионам, за исключением городов федерального значения, а именно Москвы и Санкт-Петербурга, а также Татарстана, удалось выстроить достаточно крепкие отношения с туркменской стороной без дополнительной поддержки на федеральном уровне. Учитывая особенности внешней политики Туркменистана, представляется необходимым действовать очень осторожно, чтобы не нарушить баланс, который туркменское руководство пытается поддерживать среди своих международных партнеров. Кроме того, сотрудничество по продвижению русского языка в Туркменистане будет выглядеть более перспективным, если обе стороны будут рассматривать его как возможность повышения образовательного уровня туркмен, а не как повод для утечки мозгов. Более того, согласно подписанному в 2002 году «Соглашению о дружбе и сотрудничестве» сотрудничество в продвижении официальных языков партнера означает, что любая деятельность по продвижению русского языка и культуры в Туркменистане должна сопровождаться деятельностью по продвижению туркменского языка и культуры в России.

Полученные результаты могут быть использованы при изучении и анализе языковой политики в первую очередь в странах постсоветского пространства, в рамках конструирования общекаспийской идентичности, а также в контексте исследования проблем социальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов, В.М. (2013). Языковая политика в современном мире. *Научный диалог*, 5(17), 8-28.
- Арефьев, А.Л. (2012). *Русский язык на рубеже XX-XXI веков*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 482 с.
- Бабаниязов, О.А., Котенко, И.В. (2015). Изучение русского языка в Туркменистане. Хронология событий. *Научные чтения имени профессора Н.Е. Жуковского: Сборник научных статей V Международной научно-практической конференции*. Краснодар: Издательский Дом - Юг, 22-27.
- Боженкова, Н.А., Пантелеева А.П. (2019). Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 9, 1(30), 6-15.
- Боришполец, К.П. (2014). Русский язык в Центрально-Азиатском регионе. *Вестник МГИМО-Университета*, 2(35), 63-70.
- В структуре АНТ создан Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули. Получено из: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/32927/v-strukture-ant-sozdan-institut-yazyka-literatury-i-natsionalnykh-rukopisei-imeni-makhtumkuli>
- Виноградов, А.В. (2008). О состоянии русскоязычного образования в Туркменистане. *Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Материалы региональной научной конференции*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, с. 375-379.

- Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Туркменистаном. Получено из: <https://docs.cntd.ru/document/901834834>
- Дятленко, П.И. (2008). Языковые реформы в Центральной Азии: тренды цели итоги. *Вестник Евразии*, 4, 80-109.
- Евдокимов, А.Н., Давыдова, Т.А., Савкин, Д.А. (2020). Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*, 7, 3, 373-388. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388>
- Закон Туркменистана об образовании. Получено из: <https://www.parahat.info/law/2013-05-15-zakon-turkmenistana-ob-obrazovanii>
- Закон Туркменской Советской Социалистической Республики от 24 мая 1990 года №202-ХІІ. Получено из: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10680
- Иванов, В.В. (2014). Движение Фетхуллага Гюлена в России и странах СНГ. *Мусульманский мир*, 3, 49-82.
- Инаятова, О., Беккер, И.Л. (2021). Роль и место русского языка в жизни современного Туркменистана. *Межкультурная коммуникация в современном мире: Сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции иностранных студентов*. Пенза: Пензенский государственный университет, с. 3-6.
- Исерелл, В. (2021). Дерусификация как часть национальной языковой политики Туркменистана - история и эффекты. *Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 62, 78-87.
- Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Получено из: <https://docs.cntd.ru/document/901732493>
- Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. Получено из: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966/
- Кудоярова, Т.В. (2010). Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана. *Полилингвистичность и транскультурные практики*, 3, 70-74.
- Ландау, Я.М., Келльнер-Хайнкеле, Б. (2004). *Языковая политика в мусульманских государствах — бывших советских союзных республиках*. Москва: Прогресс-Традиция, 370 с.
- Логачева, Е.В., Исмоилов Д., Оразгылыджова С. (2019). Языковая ситуация в современном Туркменистане. *Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской студенческой научно-теоретической конференции с Международным участием*. Рязань: Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, с. 20-22.
- Мамедов, Б.Б. (2007). Функционирование русского языка в Туркменистане. *Материалы международной научно-практической конференции специалистов-филологов и преподавателей-русистов по проблемам функционирования,*

- преподавания и продвижения русского языка за рубежом.* Москва: Федеральное агентство по образованию, с. 319-321.
- МИД РФ (2020). Комментарий Департамента информации и печати МИД России относительно закрытия русских классов в ряде школ Ашхабада. Получено из: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4339569
- Национальный институт языка, литературы и рукописей имени Магтымгулы Академии наук Туркменистана. Получено из: https://science.gov.tm/organisations/manuscript_instit/
- Панфилова В. (2020). Туркменистан избавляется от русского языка. Ашхабад теперь отдает предпочтение Анкаре, но не Москве. Получено из: https://www.ng.ru/cis/2020-09-17/1_7967_turkmenistan.html
- Реджепова, М. (2023). Эволюция языковой политики в Туркменистане периода независимости. *Матрица научного познания*, 5-2, 378-381.
- Сайфуллина Г. *Они плохо знают русский язык, но хотят российский диплом.* Получено из: <https://chelny-izvest.ru/news/social/1569-oni-plokho-znayut-russkiy-yazyk-no-khotyat-rossiyskiy-diplom>
- Семененко, И.С. (2017). *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание.* Москва: Весь Мир.
- Сяньминь, Ч., Чунхун, Б. (2022). Эволюция языковой политики в Туркменистане периода независимости. *Мир науки, культуры, образования*, 2(93), 258-361. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-293-358-361>
- Туркменистан назван одной из стран, где русский язык широко используется в культуре. Получено из: <https://e-cis.info/news/566/113320/>
- Туркменистан предложит ООН учредить Всемирный день тюркских языков. Получено из: <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/74559/turkmenistan-predlozhit-oon-uchredit-vsemirnyj-den-tyurkskih-yazykov>
- Туркменский парадокс: русского языка де-юре нет, де-факто он необходим. Получено из: <https://cabar.asia/ru/turkmenskij-paradoks-russkogo-yazyka-de-yure-net-de-fakto-on-neobhodim>
- Фрик, Т.Б. (2013). *Основы теории межкультурной коммуникации.* Томск: Издательство Томского политехнического университета.
- Что известно о русском языке в Туркменистане? Получено из: <https://central-asia.institute/chto-izvestno-o-russkom-yazyke-v-turkmenistane/>
- Юй, Х. (2020). Современное положение русского языка в государствах Центральной Азии. *Постсоветские исследования*, 3, 3, 250-270.
- Януш, О.Б. (2016). Латиница в странах Центральной Азии: алфавит, политика, культурное влияние. *Лингвокультурология*, 10, 402-412.
- Aminov, K., Jensen, V., Juraev, S., Overland, I., Tyan, D. & Uulu, Y. (2010). Language Use and Language Policy in Central Asia. *Central Asia Regional Data Review*, 2(1), 1-29.
- Byram, M. (2006). *Languages and Identities.* Strasbourg: Council of Europe Language Policy Division.

- Edensor, T. (2002). *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford: Berg Publishers.
- Edwige, M. & Martineau, J. (2022). *Language as a Tool for Building and Asserting Identity*. Получено из: <https://apropos.erudit.org/concepts-language/?lang=en>
- Fierman, W. (2021). Language policy and language in Central Asia. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*, 391-408. <https://doi.org/10.4324/9780429057977-26>
- Liddicoat, A.J. (2019). Language-in-education policy in the Central Asian republics of Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. *The Routledge International Handbook of Language Education Policy in Asia*, 1-19.
- Pamir Dietrich, A. (2011). *Soviet and Post-Soviet Language Policies in the Central Asian Republics*. Ankara: ICANAS, 1.
- Reeve, B.A. (2023). *The Fate of the Language is the Fate of the People: A Cultural Analysis of Language Education Policy in Central Asia*. Senior Theses, 92 p.

Для цитирования: Черничкин, Д.А. (2023). Языковая ситуация в современном Туркменистане. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 38-58.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_38

REFERENCES

- Alpatov, V.M. (2013). Language policy in the modern world. *Scientific Dialogue*, 5(17), 8-28. (in Russian)
- Arefiev, A.L. (2012). *Russian language at the turn of the XX-XXI centuries*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 482 p. (in Russian)
- Babaniyazov, O.A. & Kotenko, I.V. (2015). Studying the Russian language in Turkmenistan. Chronology of events. *Scientific readings named after Professor N.E. Zhukovsky: Collection of scientific articles of the V International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Publishing House - South, 22-27. (in Russian)
- Bozhenkova, N.A. & Panteleeva A.P. (2019). Sociolinguistic review of the status of the Russian language in the post-Soviet communicative space. *News of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 9, 1(30), 6-15. (in Russian)
- Borishpolets, K.P. (2014). Russian language in the Central Asian region. *Bulletin of MGIMO University*, 2(35), 63-70. (in Russian)
- The Institute of Language, Literature and National Manuscripts named after Magtymguly was created within the structure of the Academy of Sciences. Retrieved from <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/32927/v-strukture-ant-sozdan-institut-yazyka-literatury-i-natsionalnykh-rukopisei-imeni-makhtumkuli> (in Russian)
- Vinogradov, A.V. (2008). On the state of Russian-language education in Turkmenistan. *The first Ermakov readings "Siberia: yesterday, today, tomorrow": Proceedings of*

- the regional scientific conference*. Novosibirsk: Publishing house SB RAS, p. 375-379. (in Russian)
- Treaty of Friendship and Cooperation between the Russian Federation and Turkmenistan. Retrieved from: <https://docs.cntd.ru/document/901834834> (in Russian)
- Dyatlenko, P.I. (2008). Language reforms in Central Asia: trends, goals, results. *Bulletin of Eurasia*, 4, 80-109. (in Russian)
- Evdokimov, A.N., Davydova, T.A. & Savkin, D.A. (2020). Russian language in Central Asia: current state and prospects. *Problems of the post-Soviet space*, 7, 3, 373-388. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388> (in Russian)
- Law of Turkmenistan on education. Retrieved from <https://www.parahat.info/law/2013-05-15-zakon-turkmenistana-ob-obrazovanii> (in Russian)
- Law of the Turkmen Soviet Socialist Republic of May 24, 1990 No. 202-XII. Retrieved from https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=10680 (in Russian)
- Ivanov, V.V. (2014). The Fethullah Gülen movement in Russia and the CIS countries. *Muslim World*, 3, 49-82. (in Russian)
- Inayatova, O. & Becker, I.L. (2021). The role and place of the Russian language in the life of modern Turkmenistan. *Intercultural communication in the modern world: Collection of scientific articles based on the materials of the X International Scientific and Practical Conference of Foreign Students*. Penza: Penza State University, 3-6. (in Russian)
- Iserell, W. (2021). Derussification as part of the national language policy of Turkmenistan - history and effects. *Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures*, 62, 78-87.
- Convention on Guaranteeing the Rights of Persons Belonging to National Minorities. Retrieved from <https://docs.cntd.ru/document/901732493> (in Russian)
- Convention of the Commonwealth of Independent States on Human Rights and Fundamental Freedoms. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_696_6/ (in Russian)
- Kudoyarova, T.V. (2010). Russian language in the modern educational environment of Turkmenistan. *Multilingualism and Transcultural Practices*, 3, 70-74. (in Russian)
- Landau, J.M. & Kellner-Heinkele, B. (2004). *Language policy in Muslim states - former Soviet Union republics*. Moscow: Progress-Tradition, 370 p. (in Russian)
- Logacheva, E.V., Ismoilov D. & Orazgylyjova S. (2019). The linguistic situation in modern Turkmenistan. *Intercultural communication in a single educational space: problems and prospects: materials of the All-Russian Student Scientific and Theoretical Conference with International Participation*. Ryazan: Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlova, 20-22. (in Russian)
- Mamedov, B.B. (2007). Functioning of the Russian language in Turkmenistan. *Materials of the international scientific and practical conference of philologists and teachers of Russian studies on the problems of functioning, teaching and promotion of the Russian language abroad*. Moscow: Federal Agency for Education, 319-321. (in Russian)

- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2020). Commentary from the Department of Information and Press of the Russian Ministry of Foreign Affairs regarding the closure of Russian classes in a number of schools in Ashgabat. Retrieved from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4339569 (in Russian)
- National Institute of Language, Literature and Manuscripts named after Magtymguly of the Academy of Sciences of Turkmenistan. Retrieved from https://science.gov.tm/organisations/manuscript_instit/ (in Russian)
- Panfilova, V. (2020). *Turkmenistan is getting rid of the Russian language. Ashgabat now gives preference to Ankara, but not Moscow*. Retrieved from https://www.ng.ru/cis/2020-09-17/1_7967_turkmenistan.html (in Russian)
- Rejepova, M. (2023). The evolution of language policy in Turkmenistan during the period of independence. *Matrix of Scientific Cognition*, 5-2, 378-381. (in Russian)
- Saifullina, G. *They don't know Russian well, but they want a Russian diploma*. Retrieved from <https://chelny-izvest.ru/news/social/1569-oni-plokho-znayut-russkiy-yazyk-no-khotyat-rossiyskiy-diplom> (in Russian)
- Semenenko, I.S. (2017). *Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Whole World. (in Russian)
- Xianmin, C., Chunhong, B. (2022). The evolution of language policy in Turkmenistan during the period of independence. *World of science, culture, education*, 2(93), 258-361. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-293-358-361> (in Russian)
- Turkmenistan is named as one of the countries where the Russian language is widely used in culture. Retrieved from <https://e-cis.info/news/566/113320/> (in Russian)
- Turkmenistan will propose to the UN to establish a World Day of Turkic Languages. Retrieved from <https://www.turkmenistan.gov.tm/ru/post/74559/turkmenistan-predlozhit-oon-uchredit-vsemirnyj-den-tyurkskih-yazykov> (in Russian)
- Turkmen paradox: de jure there is no Russian language, de facto it is necessary. Retrieved from <https://cabar.asia/ru/turkmenskij-paradoks-russkogo-yazyka-de-yure-net-de-fakto-on-neobhodim> (in Russian)
- Frick, T.B. (2013). *Fundamentals of the theory of intercultural communication*. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publishing House. (in Russian)
- What is known about the Russian language in Turkmenistan? Retrieved from <https://central-asia.institute/chto-izvestno-o-russkom-yazyke-v-turkmenistane/> (in Russian)
- Yu, H. (2020). The current situation of the Russian language in the states of Central Asia. *Post-Soviet Studies*, 3, 3, 250-270. (in Russian)
- Yanush, O.B. (2016). Latin script in the countries of Central Asia: alphabet, politics, cultural influence. *Cultural Linguistics*, 10, 402-412. (in Russian)
- Aminov, K., Jensen, V., Juraev, S., Overland, I., Tyan, D. & Uulu, Y. (2010). Language Use and Language Policy in Central Asia. *Central Asia Regional Data Review*, 2(1), 1-29.
- Byram, M. (2006). *Languages and Identities*. Strasbourg: Council of Europe Language Policy Division.

- Edensor, T. (2002). *National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford: Berg Publishers.
- Edwige, M. & Martineau, J. (2022). *Language as a Tool for Building and Asserting Identity*. Retrieved from <https://apropos.erudit.org/concepts-language/?lang=en>
- Fierman, W. (2021). Language policy and language in Central Asia. *Routledge Handbook of Contemporary Central Asia*, 391-408. <https://doi.org/10.4324/9780429057977-26>
- Liddicoat, A.J. (2019). Language-in-education policy in the Central Asian republics of Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. *The Routledge International Handbook of Language Education Policy in Asia*, 1-19.
- Pamir Dietrich, A. (2011). *Soviet and Post-Soviet Language Policies in the Central Asian Republics*. Ankara: ICANAS, 1.
- Reeve, B.A. (2023). *The Fate of the Language is the Fate of the People: A Cultural Analysis of Language Education Policy in Central Asia*. Senior Theses, 92 p.

For citation: Chernichkin, D.A. (2023). Language Situation in Modern Turkmenistan. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(4), 38-58.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_38

PROJECT TECHNOLOGIES FOR ACTIVATING CIVIL SOLIDARITY AT THE LOCAL LEVEL (BASED ON MATERIALS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT'S REGIONS)

Laura A. Shpiro

Kuban State University

Krasnodar, Russia

E-mail: l.shpiro7@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5409-2922>

ABSTRACT

The article presents the results of a study of civil solidarity in the Southern Federal district's regions (Krasnodar Territory, the Republic of Adygea, the Republic of Crimea). The study was conducted in 2023 using the method of expert interviews. A total of 45 experts were interviewed the structural and substantive components of civil solidarity and the specifics of updating civil solidarity at the local level have been identified. This article highlights and describes project technologies for updating civil solidarity in rural and urban areas of the Southern Federal District.

The author highlights situational volunteer projects (being a “response” to emerging geopolitical challenges); projects aimed at developing citizenship (their main target audience is children and youth); projects aimed at developing the infrastructure of territories and creating a comfortable space for living. The distinctive features of project technologies for updating civil solidarity in the Krasnodar Territory, the Republic of Adygea and the Republic of Crimea are given.

KEYWORDS

project technologies; civil solidarity; projects; regions of the Southern Federal District; rural areas; urban areas

ACKNOWLEDGMENT

The study «Strategies and technologies for updating civil solidarity at the local level (on the example of the Southern Federal District's regions)» was carried out as part of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FZEN-2023-0010).

ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Шпиро Лаура Артуровна

Кубанский государственный университет

Краснодар, Россия

E-mail: l.shpiro7@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5409-2922>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования гражданской солидарности в субъектах ЮФО (Краснодарском крае, Республике Адыгея, Республике Крым), проведенного в 2023 году методом экспертного интервью (всего опрошено 45 экспертов) для выявления структурных и содержательных компонентов гражданской солидарности, а также специфики актуализации гражданской солидарности на локальном уровне. В данной статье выделены и описаны проектные технологии актуализации гражданской солидарности жителей сельских территорий и малых городов Южного федерального округа.

Автором выделяются ситуативные волонтерские проекты (являющиеся «ответом» на возникающие геополитические вызовы); проекты, направленные на формирование гражданственности, основной целевой аудиторией которых выступают дети и молодежь; проекты, направленные на развитие инфраструктуры территорий и создание комфортного пространства для жизни. Приводятся отличительные особенности проектных технологий актуализации гражданской солидарности в Краснодарском крае, Республике Адыгея, Республике Крым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

проектные технологии; гражданская солидарность; проекты; субъекты Южного федерального округа; сельские территории; малые города.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2023-0010 «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа)»

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня важное значение приобретает общественная сплоченность и формирование позитивных общественных практик. В современном геополитическом контексте особую роль приобретает потенциал гражданской солидарности, способствующий укреплению российской идентичности и государственности. Как отметил Президент Российской Федерации В. Путин, «нам, конечно, важно все, что поступает ребятам на фронт, но не менее важно – а может быть, это самое главное – вот эта общая консолидация всех сил общества российского» (Путин отметил...web).

Актуальность темы исследования состоит в необходимости определения технологий актуализации гражданской солидарности и использования ее потенциала в практиках консолидации жителей малых городов и сельских территорий в условиях нестабильности. Описание успешных технологий актуализации гражданской солидарности основывается на факторах, оказывающих влияние на ее формирование, к которым относят: институциональный, ценностный, внешние вызовы и угрозы, мобилизационный потенциал жителей территории, форматы взаимодействия в сложившейся поселенческой структуре и фактор лидерства (Русия, Ракачев, 2023).

Теоретической основой исследования выступает концепция Т. Парсонса, который описывает солидарность как динамическое явление и важное условие стабильности в обществе (Парсонс, 1954), теория «общества риска» (Гидденс, 1994; Луман, 1994; Бек, 2000), в которой солидарность – результат самоорганизации – выступает ответом на риски окружающей среды. Использование потенциала проектного подхода в актуализации гражданской солидарности обосновывается его интеграцией в систему публичного управления современной России. При описании проектных практик на локальном уровне использовался неинституциональный подход (Норт, 1990), представляющий собой совокупность формальных и неформальных коммуникаций субъектов публичного управления в актуализации гражданской солидарности. Для описания сетевого сотрудничества субъектов публичного управления в актуализации практик гражданской солидарности автор использовал сетевой подход (Сморгунов, 2001; Мирошниченко, Морозова, 2017).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках реализации проекта «Стратегии и технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне» (на примере субъектов Южного федерального округа) научным коллективом в октябре-ноябре 2023 года были проведены экспертные интервью с представителями органов исполнительной и законодательной власти, органов местного самоуправления, учеными, представителями государственных учреждений, некоммерческих организаций, лидерами общественных инициатив. Всего опрошено 45 экспертов из трех

субъектов ЮФО – Краснодарского края, Республики Адыгея, Республики Крым. Экспертный опрос выявил структурные и содержательные компоненты гражданской солидарности, а также специфику актуализации гражданской солидарности на уровне территорий. В данной статье описаны проектные технологии актуализации гражданской солидарности в исследуемых субъектах ЮФО.

ТЕХНОЛОГИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ: ПРОЕКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Внедрение проектного подхода в российскую практику и, в частности практику субъектов РФ ориентировано на достижение результатов для конкретных целевых аудиторий и интеграцию населения в практики субъектов публичного управления (органов государственной власти, некоммерческих организаций, бизнес-сообщества) и их взаимодействие. Реализация проектов на местном уровне позволяет решать конкретные проблемы по «запросам» и в интересах населения, в том числе с точки зрения субъектной позиции жителей конкретного муниципального образования и включение их в конструктивные социально-политические практики, формирование гражданской позиции (Шпиро, 2023).

Применение проектных технологий в актуализации гражданской солидарности направлено на консолидацию жителей местных сообществ в «ответ» на возникающие риски окружающей среды. В целом выделяются следующие виды проектов, реализуемые на локальном уровне в субъектах Южного Федерального округа:

- региональные проекты в структуре национальных проектов (инициативы сверху), направленные на достижение национальных целей развития РФ до 2030 года;
- проекты инициативного бюджетирования (инициативы снизу), поддерживаемые высшим органом исполнительной власти и главой субъекта РФ, направленные на вовлечение граждан в бюджетный процесс и участие в принятии решений;
- грантовые проекты по отдельным направлениям деятельности для конкретных целевых групп (социальное проектирование, инициируемое некоммерческими организациями);
- отдельные проектные инициативы лидеров местных сообществ, объединяющие вокруг себя заинтересованных лиц, вовлекающие в практики солидарности жителей территорий.

Отметим, что эксперты отмечают значимость инициативы «снизу» во включении жителей в консолидирующие практики:

- «...ту солидарность, которую нам навязывают, когда задания какие-то дают принять участие в каких-то мероприятиях, а в итоге получается "из-под палки", а это, как известно, самый плохой метод» (эксперт 8, Республика Адыгея);

- «...что собой представляет гражданская солидарность, для меня это исключительно инициативы снизу, которые настолько способны объединить людей к любому общему делу, чаще всего такие инициативы возникают в рамках каких-то вопросов внешней среды» (эксперт 7, Республика Адыгея);
- «Вот сейчас на примере мальчишки из г. Ялта 9 школы — он организовал сбор макулатуры и деньги, полученные от сдачи макулатуры они собирают на покупку лекарств ребятам на СВО. Его вся Ялта поддержала, а ему всего 14 лет...» (эксперт 10, Республика Крым);
- «понимаете, у нас большое количество проблем и идет сверху вниз, но для того, чтобы органу власти сформировать определенный пул проблем, ему в любом случае нужен транзит информации снизу-вверх» (эксперт 8, Краснодарский край).

Инициативы «снизу» показывают, что жители активнее проявляют свою гражданскую позицию, готовность включаться в общественные практики.

Если говорить о направлении проектов, реализуемых на локальном уровне в субъектах ЮФО, то выделяются следующие:

- **ситуативные волонтерские проекты (являющиеся «ответом» на возникающие геополитические вызовы (специальная военная операция, присоединение Крыма и новых территорий к России, пандемия COVID-19):**

- «То есть, мы — профсоюзы — тоже в этом участвуем: собираем гуманитарную помощь, у нас есть акция «Знамя победы бойцам СВО», наши учителя и в школах, и педагоги, и дети, рисуют знамёна победы и направляют в военные части туда» (эксперт 5, Республика Адыгея);
- «У меня вся семья, да и весь коллектив Артека — все сегодня солидарны со сбором лекарств, одежды, питания для наших воинов. Мы тоже также вместе с детьми в Артеке организовываем эти акции: когда ребёнок пишет добрые письма солдату. Есть у нас и обратная связь с ребятами СВОшниками, когда они благодарят ребятшек, когда приходят на встречу (и герои и участники)» (эксперт 10, Республика Крым);
- «Очень активны были акции помощи Донбассу. Туда собирали тоже, причём это на общественных началах были организации достаточно большие, типа единой России, которая масштабно всё это делала, а были именно добровольные пожертвования: такие вот небольшие экспедиции. Буквально машину люди арендовали или брали (у кого-то из них была) и отправлялись небольшой группой всё это развозить» (эксперт 9, Республика Крым).

Отмечаются не только отдельные инициативы жителей (акции, сбор гуманитарной помощи и прочее), государственных учреждений и активных групп населения, но и проекты, направленные на конкретные целевые группы:

- «Вообще у нас много разных проектов, например «Территория общения» ... Еще у нас есть проект «В доступе», и он вообще для жителей новых

территорий, именно для детей с ментальными нарушениями. Конечно, первое время, как они к нам приходили, было очень тяжело, в плане того, что люди много пережили, и для таких детишек очень важны еженедельные занятия, а они привыкли месяцами сидеть без еды, воды, в подвалах...» (эксперт 8, Республика Крым);

- *«Это тоже проект «Своих не бросаем». Он тоже, конечно, у нас нацелен сейчас на помощь ребятам» (эксперт 11, Краснодарский край).*

Однако, включение в перечисленные проекты может происходить стихийно, бессознательно:

- *«сейчас многие практики солидарности ситуативны в плане того, что нужно помочь, но очень важная вещь, почему именно нужно помочь, какие ценности мы при этом отстаиваем или демонстрируем» (эксперт 3, Краснодарский край);*
- *«мне кажется, что важен ценностный фактор, то есть наличие каких-то ценностей, вокруг которых граждане готовы объединяться. Но и фактор ситуативный, то есть ситуация, наличие каких-то общих угроз или, наоборот, отсутствие значимых угроз» (эксперт 6, Краснодарский край).*

В данном случае важно понимание субъектов, иницирующих практики солидарности жителей, а также позиция лиц, принимающих решения в рамках задач по консолидации населения, где необходима особая работа с молодым поколением.

- проекты, направленные на формирование гражданственности, основной целевой аудиторией которых выступает дети и молодежь:

- *«Если мы говорим о проекте «Без срока давности», мы солидарны в том, что сегодня нужно изучать историю нашей страны, годы Великой Отечественной войны, хранить эту историю и стараться из этой истории всё правдиво показывать. Вы ведь знаете, на сегодняшний день весь Запад, все недружественные страны на нас наговаривают и говорят, что не мы победили, а они. Гражданская солидарность формируется именно в понимании событий, дело которых приносит в основном пользу» (эксперт 10, Республика Крым).*

В представленных кейсах Краснодарского края выделяются отдельные сельские территории (уникальные практики), где ярко выражена деятельность институтов гражданского общества по реализации проектов гражданско-патриотической направленности различного содержания для разных целевых групп:

- *«И вот этот проект «Элементаль – к службе защиты родины готов» ... он как раз вот на подготовку к службе, армии, патриотическое воспитание, то есть направлен» (эксперт 11, Краснодарский край);*
- *«У них второй проект (у Фастовецкого Хуторского Казачьего Общества, атаман Евгений Саламаха) ... они будут строить аллею славы, и она как раз посвящена ребятам станицы Фастовецкой, которые ушли на СВО, которые до сих пор там находятся. Ну конечно, есть погибшие ребята. То есть это будет вот такая аллея славы. Ну то есть тоже своего рода патриотическое воспитание» (эксперт 11, Краснодарский край);*

- *«Казачьи наследники славных традиций. В детском садике открыто гончарная мастерская. Получается такие мини мастерские. То есть еще различные проекты»* (эксперт 11, Краснодарский край);
- *«Ну то есть девчонок наших объединить и создать такой замечательный проект «История моды». И создать коллекцию моды, современной моды, но с элементами вышивки, с элементами ткачества, с украшениями из глины, с керамики натуральной, сделанной своими руками...»* (эксперт 11, Краснодарский край).

Большинство таких проектов реализуется при поддержке грантов губернатора Кубани, оператором которых выступает Центр развития гражданского общества Краснодарского края.

Проекты в сфере гражданского и патриотического воспитания направлены на разные сферы деятельности. Как отмечается, это не только традиционные форматы, но и совместная деятельность в рамках творческих мастерских, досуговых мероприятий, создания новых городских пространств – мест памяти, объединяющих жителей территорий.

- проекты, направленные на развитие инфраструктуры территорий и создание комфортного пространства для жизни:

- *«Именно когда выдаются проекты на благоустройство той или иной территории, когда вместе решаем всё, считаем, что, именно здесь надо, а не там»* (эксперт 10, Республика Крым);
- *«Инициативное бюджетирование. Классный проект, всегда всем в пример его привожу. Люди объединились, приняли решение о том, что нужно сделать площадку в этом районе, обратились к власти, власть дала деньги. Единственный прямой открытый... Когда люди сами собрались, выбрали, заявили проект, получили под него деньги, сами сделали. Вот это пример инициативы, которая проходит снизу-вверх»* (эксперт 7, Краснодарский край);
- *«Лучший ТОС» - неплохой проект есть. Что важно – делается не потому, что глава так решил, потому что эта дорога идет к его дому, а потому что люди выбрали, что здесь нужно памятник, дорогу, тротуар или площадку»* (эксперт 7, Краснодарский край).

Кроме того, по решению Президента Российской Федерации в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» (региональный проект «Формирование комфортной городской среды») в субъектах РФ благоустраиваются общественные пространства как в городских, так и сельских территориях. Решение по благоустройству принимают жители путем онлайн-голосования.

Отдельно выделяется потенциал лидерства в формировании практик гражданской солидарности, который может быть использован для социально-экономического развития на локальном уровне в субъектах РФ, в том числе во взаимодействии с органами государственной и муниципальной власти. Причем лидеры, формирующие вокруг себя команды единомышленников, представляют

разные возрастные категории, социальный статус, профессиональную сферу, однако объединяющим становится то, что их активность направлена на вклад в место своего проживания и его жителей, решение проблем других:

- *«У нас есть легендарная девушка – Валерия Петрусевич. Она основательница фонда «Добро мира – Волонтеры Крыма», у нее у самой трое детей, и сейчас она беременная четвертым... еще до СВО она организовала акцию «Дом для вещей», суть которой в том, что во всех супермаркетах установлены большие контейнеры, куда люди привозят ненужные вещи, любого вида – одежда, игрушки, канцтовары и другое. Потом их волонтеры всё собирают, в какой-то центр привозят и сортируют. Это было еще до СВО, а сейчас только увеличилось в масштабах»* (эксперт 8, Республика Крым);
- *«Я по своей деятельности немного сталкиваюсь с нашим Крымским патриот центром. Там есть герой России — Полковников Дмитрий Александрович. Он в своё время участвовал в Чеченской войне и сейчас один из лидеров среди молодого поколения. Он на своём примере создаёт молодёжные детские лагеря: военно-патриотические, изучает военное дело, учит нашу молодёжь, прививает спортивный дух, патриотический»* (эксперт 10, Республика Крым).
- *«Я реализую эти проекты и в том числе для помощи ребятам, которые находятся на СВО. И объединяем именно так вокруг себя людей. Кто-то финансово объединяет, кто-то.... Ну, различные формы. Ну, например, наши коллеги, кубанские.... Мы шьём, да, вот? Мы, то есть швейно-плетейное такое, объединение. У нас есть «Кубанские обеды для Победы». Они объединяют хозяев, которые там заготовки делают, и готовят там борщи, каши. То есть там больше десяти наименований продукции, которые девчонки дома делают. Потом свозят на базу, как мы это называем, в общую, и всё это тоже отправляется ребятам»* (эксперт 11, Краснодарский край).

Примеры «помогающей» стратегии лидеров ярче выражены в Республике Крым и Краснодарском крае. В соответствии с социальными профилями лидеров, выделяемыми российскими учеными, они «ориентированы на общество и решение проблем других людей» (Самаркина, Мирошниченко, Мальцев, 2022), что определяют как профиль «преобразователь».

В целом, если выделять отличительные особенности актуализации практик гражданской солидарности в изучаемых субъектах ЮФО, то в Республике Адыгея отмечается этнический компонент, которые отражается во взаимопомощи, коллективных формах деятельности, формировании сплоченности с детства, когда основным институтом выступает семья. В Республике Крым ярче выражена консолидация вокруг практик, связанных с историческими событиями (присоединение Крыма к России, специальная военная операция). В Краснодарском крае высок потенциал объединения жителей села для решения социально-экономических проблем территорий (практики инициативного бюджетирования).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проектные технологии актуализации гражданской солидарности в сельских территориях и малых городах субъектов ЮФО представляют собой практики различных субъектов публичного управления, инициированных как «сверху», так и «снизу». Проектные практики реализуются в рамках инициированных государством проектов, направленных на достижение национальных целей РФ до 2030 года, инициатив некоммерческих организаций, коммерческого сектора, лидеров местных сообществ. Кроме того, национальная повестка Российской Федерации актуализирует применение проектных технологий в солидаризации общества, что отражено в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну*. Москва: Прогресс-Традиция, 384 с.
- Гидденс, Э. (1994). Судьба, риск и безопасность. *THESIS*, 6, 40-102.
- Луман, Н. (1994). Понятие риска, *THESIS*, 5, 4-160.
- Мирошниченко, И.В., Морозова, Е.В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Полис. Политические исследования*, 2, 82-102.
- Путин отметил патриотический настрой и солидарность россиян. *Российская газета*. Получено из <https://rg.ru/2023/12/19/putin-otmetil-patrioticheskij-nastroy-i-solidarnost-rossiiian.html>
- Русия, Н.Т., Ракачев, Д.Н. (2023). Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий юга России. *Журнал политических исследований*, 7, 4, 72-87.
- Самаркина, И.В., Мирошниченко, И.В., Мальцев, С.С. (2022). Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 4, 856-882.
- Сморгунов, Л.В. (2001). Сетевой подход к политике и управлению. *Полис. Политические исследования*, 3, 103-112.
- Шпиро, Л.А. (2023). Проектный подход в развитии территорий (на примере Краснодарского края). *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки*, 2, 125-128.
- North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Harvard University Press, 159 p.

Parsons, T. (1954). Values, Motives and Systems of Action. *Toward a General Theory of Action* (Parsons T., Shils E. eds.). Cambridge: Harvard University Press, 506 p.

Для цитирования: Шпиро, Л.А. (2023). Проектные технологии актуализации гражданской солидарности на локальном уровне (на материалах субъектов южного федерального округа). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 59-68.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_59

REFERENCES

- Bek, U. (2000). *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya, 384 p. (in Russian)
- Giddens, A. (1994). Fate, Risk and Security. *THESIS*, 6, 40-102. (in Russian)
- Luhmann, N. (1994). The Concept of Risk, *THESIS*, 5, 4-160. (in Russian)
- Miroshnichenko, I.V. & Morozova, E.V. (2017). Network Public Policy: Outlines of Subject Field. *Polis. Political Studies*, 2, 82-102. (in Russian)
- Putin Noted the Patriotic Spirit and Solidarity of Russians. Rossiiskaya Gazeta. Retrieved from <https://rg.ru/2023/12/19/putin-otmetil-patrioticheskij-nastroj-i-solidarnost-rossian.html> (in Russian)
- Rusiya, N.T. & Rakachev D.N. (2023). The state of civil solidarity in urban and rural areas of Southern Russia. *Journal of Political Research*, 7, 4, 72-87. (in Russian)
- Samarkina, I.V., Miroshnichenko, I.V. & Maltsev, S.S. (2022). Leaders and wingmen: Youth policy in the views of its participants – an evidence from Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 856-882. (In Russian).
- Smorgunov, L.V. (2001). Network Approach to Policy and Governance. *Polis. Political Studies*, 3, 103-112. (in Russian)
- Shpiro, L.A. (2023). Project Approach in the Development of Territories (Case of the Krasnodar Territory). *Humanities, Social-economic and Social Sciences. Historical Sciences. Culturology. Political Science*, 2, 125-128. (in Russian)
- North, D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Harvard University Press, 159.
- Parsons, T. (1954). Values, Motives and Systems of Action. *Toward a General Theory of Action* (Parsons T., Shils E. eds.). Cambridge: Harvard University Press, 506.

For citation: Shpiro, L.A. (2023). Project Technologies for Activating Civil Solidarity at the Local Level (Based on Materials of the Southern Federal District's Regions). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(4), 59-68.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_59

POLITICAL PROTEST IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL SECURITY PROBLEM: A THEORETICAL REVIEW

Kirill E. Voshchinsky

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia.

E-mail: ke-vos@mail.ru

ABSTRACT

Within the framework of the article we consider one of the significant problems of the region's national security – political protests. Protests in the 21st century have become a form of political expression to which millions of people turn, and they have had a significant impact on both official policy and society at large. The scale and frequency of protests in the twenty-first century eclipses historical examples of eras of mass protest, and the heterogeneity of the current wave of protests is its defining characteristic. The study of the protest movement in the world in the 21st century is important for understanding the nature and impact of this phenomenon, as well as for identifying the risks to the national security of states. At the same time, the essence of political protest lies in constant uncertainty due to all kinds of interpretations by international organisations and institutions, the state itself and the public. To date, modern mass protest comprises a huge range of self-expression of individuals in the socio-political environment, undoubtedly, socio-economic/political protests occupy a significant role in the global trend of world protest, however, this vector is becoming more and more widespread and commonplace even within authoritarian states, where this process is largely restricted.

KEYWORDS

political protest; resource-mobilisation approach; structural-critical approach; structural-communication approach; concept of civil disobedience; theory of resistance and disobedience; concept of political opportunity structure; concept of self-organised criticality; flicker noise; world protest; globalization.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Вощинский Кирилл Евгеньевич

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

E-mail: ke-vos@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В рамках статьи нами рассмотрена одна из существенных проблем национальной безопасности региона – политические протесты. Протесты в XXI веке стали формой политического самовыражения, к которой обращаются миллионы людей, и они оказали значительное влияние как на официальную политику, так и на общество в целом. Масштабы и частота протестов в XXI веке затмевают исторические примеры эпох массового протеста, и неоднородность нынешней волны протестов является ее определяющей характеристикой. Изучение протестного движения в мире в XXI веке важно для понимания природы и влияния этого явления, а также для определения рисков национальной безопасности государств. При этом сущность политического протеста заключается в постоянной неопределенности из-за всевозможных интерпретаций как со стороны международных организаций и институтов, самого государства и общественности. На сегодняшний день современный массовый протест включает в себя огромный спектр самовыражения индивидуумов в общественно-политической среде, поэтому, несомненно, социально-экономические/политические протесты занимают существенное место в глобальной тенденции мирового протеста, однако данный вектор становится все более распространенным и обыденным даже в рамках авторитарных государств, в которых данный процесс в значительной степени ограничен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический протест; ресурсно-мобилизационный подход; структурно-критический подход; структурно-коммуникационный подход; концепция гражданского неповиновения; теория сопротивления и неповиновения; концепция структуры политических возможностей; концепция самоорганизованной критичности; фликкер-шум; мировой протест; глобализация.

ВВЕДЕНИЕ

Протесты в XXI веке стали формой политического самовыражения, к которой обращаются миллионы людей, и они оказали значительное влияние как на официальную политику, так и на общество в целом. Требования протестующих варьируются от региона к региону, и протесты привели к широкому спектру результатов, начиная от смены режима и политического примирения и заканчивая затяжным политическим насилием. Гибридные и авторитарные режимы находятся под давлением растущего общественного недовольства, которое может принять форму так называемых демократических революций, но также может перерасти в насильственные беспорядки. Широко распространенная бедность и демодернизация создают благодатную почву для роста радикального исламизма/фундаментализма, который может приобрести разрушительную динамику, особенно если он объединит свои силы с международным терроризмом и наркотрафиком.

Масштабы и частота протестов в XXI веке затмевают исторические примеры эпох массового протеста, и неоднородность нынешней волны протестов является ее определяющей характеристикой. Изучение протестного движения в мире в XXI веке важно для понимания природы и влияния этого явления, а также для определения рисков национальной безопасности государств.

СУЩНОСТЬ, ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТОВ

Политические протесты – сложное и многогранное явление, которое со второй половины 2000-х годов все чаще встречается по всему миру. Важно отметить, что неоднородность протестов является одной из их фундаментальных характеристик, и это определяющая характеристика нынешней волны протестов. Как отмечают исследователи Т. Карозерс и Р. Янгс, «всплеск глобальных протестов становится главной тенденцией в международной политике, но необходимо проявлять осторожность при установлении точной природы и воздействия этого явления» (The Complexities of Global Protests...web). Данный довод подтверждается недавним исследованием И. Ортис, С. Берка, М. Бerraда и Х.С. Кортеса, в котором рассматривались демонстрации в период с 2006 по 2020 год, и результаты их работы показали, что число протестных движений по всему миру выросло более чем втрое менее чем за 15 лет (Ortiz, Burke, Berrada, Cortés, 2021).

При этом, как отмечают исследователи, около 54% всех протестов в указанный период, связаны с провалом политического представительства и политических систем: реальная демократия, коррупция, правосудие, суверенитет, проблемы прозрачности и подотчетности, глубинное правительство/олигархия, война/военно-промышленный комплекс, гражданский надзор и социализм/коммунизм. Это имеет место не только в странах с автократическими правительствами или в странах с низким уровнем дохода, где 53% протестов были вызваны неспособностью

правительства обеспечить необходимые услуги, правосудие и подотчетность, но и в странах с высоким уровнем дохода, где более 48% протестов были связаны с отсутствием политического представительства, а также более чем в 61% протестов в странах с уровнем дохода выше среднего (Ortiz, Burke, Berrada, Cortés, 2021, с. 20).

Однако нельзя не отметить важный нюанс, обозначенный журналистом А. Тейлором – невозможность объективной оценки причин политического протеста, даже с учетом полученных статистических данных. Как отмечает в интервью один из исследователей С. Берк: «Нейтральных цифр в протестах не бывает...Мы можем изучать только то, что мы можем видеть, а на то, что мы можем видеть, все больше влияет то, где и кто мы есть». Таким образом, любая неопределенность в данных оставляет вопросы открытыми для интерпретации (Why is the world protesting so much...web).

Действительно, сущность политического протеста заключается в постоянной неопределенности из-за всевозможных интерпретаций как со стороны международных организаций и институтов, так и самого государства и общественности. В данном исследовании политический протест интерпретируется нами как форма коллективных действий, в которых участвуют отдельные лица или группы, пытающиеся устранить или пресечь предполагаемую несправедливость внутри политической системы, при этом не разрушая саму систему (Political Protest...web).

Рассмотрим основные концепции и концептуальные подходы к определению понятия «политический протест». Исследуя протестную активность, ресурсно-мобилизационный подход акцентирует свое внимание на источнике власти, путем достижения ее с максимальной выгодой для политической организации. То есть разного рода социальные, экономические и культурные кризисы, происходящие на территории определенного государства, ухудшающие положения нынешних политических структур (организаций), увеличивают шанс для новых «организаций», образуя ресурс для их лидеров в достижении успеха в наличных структурах общества.

Иное рассмотрение «политических протестов» предлагает структурно-критический подход, который основывается на психологических состояниях индивида, мотивирующих его участвовать в протестной активности. Необходимо заметить, что все это происходит на фоне определенной дестабилизации в обществе, воздействующей на индивидов. Но при этом всем, как верно отмечают Р.Э. Бараш и А.Ю. Антоновский, «...возникает проблема разрыва фактической каузальности, ведь вовсе не те, кто фактически страдает и соответственно депримирован, участвуют в протестной деятельности и мотивированы трансформировать общественные институты» (Бараш, 2018, с. 94).

Наиболее современный структурно-коммуникационный подход для объяснения «политических протестов» основывается на тезисе системно-коммуникативной автономии протеста, то есть бесполезности нейтрализации протестов с помощью перераспределения ресурсов в пользу определенных протестующих групп. Как отмечается далее в работе Р.Э. Бараш и А.Ю.

Антоновского: «Реальная потребность (травма, голод, недореализация, не востребованность и непризнанность) репрезентирована лишь символически, но не переживается «реально» агентами протеста» (Бараш, 2018, с. 94).

Одной из наиболее известных концепций, связанных с протестами, является концепция гражданского неповиновения Д. Ролза, в которой утверждается, что гражданское неповиновение – это «публичный, ненасильственный, добросовестный, но в то же время противоречащий закону политический акт, обычно направленный на изменение закона или государственной политики» (Theory of Civil Disobedience (From Civil Disobedience...web)). Как считает Д. Ролз, гражданское неповиновение должно быть ограничено случаями существенной и явной несправедливости и должно происходить только после того, как законные средства правовой защиты окажутся бесполезными. Однако, некоторые исследователи, в частности, А. Мирович, указывают на то, что концепция Д. Ролза – это абстрактная, эксклюзивистская и узкая теоретическая модель, которая, как выражение чисто академической точки зрения и результат определенного идеологического влияния ученой элиты и ее связи с корпоративными и политическими структурами власти, не отвечает ни историческому, ни современному практическому опыту, и тем самым приводит к обесмысливанию самого ее понятия (Мирович, 2013).

Также нельзя не отметить теорию сопротивления и неповиновения Э. Берка и Дж. Пристли, которая была значительной частью политической и социальной мысли английского просвещения во второй половине XVIII века. В работе Э. Берка утверждалось, что Французская революция представляла угрозу установившемуся порядку и что перемены должны быть постепенными и органичными (Бёрк, 1992), в то время как в работе Дж. Пристли утверждалось, что неповиновение необходимо для осуществления перемен (Английский материалисты XVIII в. Собрание произведений в трех томах. Том 3, 1968, с. 449). Обе работы были частью более широкой дискуссии о роли правительства и правах отдельных людей в обществе. Теория сопротивления и неповиновения была основана на идее о том, что люди имеют право сопротивляться несправедливым законам и правительствам и что неповиновение может быть мощным инструментом для осуществления перемен. Эта теория влияла на политические и социальные движения на протяжении всей истории, включая движение за гражданские права и борьбу против апартеида в Южной Африке.

Важно отметить и концепцию структуры политических возможностей Ч. Тилли, С. Тэрроу, Д. Макадама (Тилли, 2019; Tarrow, 1983; McAdam, 2010), которая относится к структуре ресурсов, определяющих возникновение социальных движений и форму их деятельности. Концепция структуры политических возможностей, также известная как теория политических процессов, представляет собой подход к социальным движениям. Она включает в себя степень открытости (закрытости) политической системы, стабильность элитных групп, наличие влиятельных союзников и толерантность элиты. Согласно теоретикам политического процесса, организации социальных движений рассматриваются как

«рациональные акторы, взаимодействующие в рамках существующей структуры политических возможностей с представителями власти и отстаивающие перед ними требования социальных групп, не имеющих институционального представительства» (Тилли, 2019).

Вышеуказанные подходы и концепции, несомненно, позволяют проанализировать политический протест, однако нами предлагается акцентировать внимание на концепции самоорганизованной критичности для определения причинности и возникновения политических протестов в XXI веке. По причине, указанной Т. Карозерсом и Р. Янгсом, политические протесты становятся все более неоднородными и методы, позволявшие определить причинность и цель протестных движений в XX веке, становятся не особо эффективными в XXI веке. В сложных системах, к которым относится и политическая, большинство изменений происходят через катастрофические события, где система самоорганизуется до критического состояния вследствие большого (крупномасштабного) события, запущенного малозначительными событиями.

Это отмечает и Г. Бранк, перенося системы самоорганизованной критичности (далее — SOC-системы) на социальный мир: «Самоорганизующаяся критичность возникает, если чувствительность индивидов или групп к действиям друг друга возрастает с течением времени, и, следовательно, внезапные изменения могут происходить каскадами», подразумевается каскад бифуркации — это типичный сценарий перехода от порядка к хаосу, который является непредсказуемым элементом SOC-системы: «То, что запускает особенно важный каскад, часто ничем не отличается от множества других подобных событий, которые вообще не имели никакого влияния» (Brunk, 2001, с. 444).

«ФЛИККЕР-ШУМ» И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРОТЕСТНУЮ АКТИВНОСТЬ

Также для полного понимания концепции самоорганизованной критичности необходимо рассмотреть такое явление как «фликкер-шум». Фликкер-шум — это результат какого-либо внешнего воздействия на систему, в нашем исследовании, он заключается в непосредственном влиянии на протестную активность. Сам же Г. Бранк объясняет фликкер-шум в подобном аспекте: «В самом широком смысле всплески фликкер-шума — это относительно внезапные сдвиги в чувствительности отдельных людей и групп к поведению друг друга. Каждый быстрый сдвиг называется каскадом сложности. Это происходит потому, что SOC-системы всегда движутся к своему максимальному уровню сложности. В какой-то момент их толкает в каскад то, что в других обстоятельствах было бы незначительным событием, как это иногда происходит с беспорядками, роспуском кабинета министров, войнами, избирательными оползнями и так далее» (Brunk, 2001, с. 429). С этой точки зрения, возникает парадокс того, что реакция на то или иное действие зависит от обстоятельства каскада сложности, один и тот же прецедент не вызывает подобную последовательность в других системах.

Примечательно, что подобное явление, но в обозначении «события-триггер» в рамках структурно-коммуникационной парадигмы рассматривается исследователями Р.Э. Бараш и А.Ю. Антоновского в подобном ключе: «Система политической коммуникации (впрочем, как и ранее утвердившиеся формы коммуникации), с одной стороны, и протестная коммуникация, с другой, находятся в структурном сопряжении. Это значит, что событие в некоторой одной сфере (распоряжение власти, строительство предприятия), являясь элементом данной системы (и событием в ее истории) коммуникаций, одновременно представляет собой вызов и событие-триггер в рамках другой системы при том, что обе эти коммуникативные системы сохраняют взаимную системную автономию» (Бараш, 2018, с. 97).

К этому относится всем известный акт самосожжения «арабской весны», который является каскадом сложности, влияющим непосредственно на систему. Действительным же показательным примером описанного выше парадокса действия каскада является протестная активность в Тунисе и Саудовской Аравии в 2011 году, в которых был зафиксирован акт самосожжения, который, к слову, все еще остается одной из известнейших и использующихся форм протеста в Тунисе за последние 10 лет (Self-immolation persists as grim form of protest in Tunisia...web).

Однако в диаметрально противоположных случаях, в одних обстоятельствах этот прецедент сработал, а в других нет. Нами предполагается в рассмотрении более масштабный фликкер-шум, который также не равнозначен успеху протестной активности, а именно - землетрясение в Иране в 2018 году, военные конфликты в Ливане в 2011 году – вторжение Сирии, в Иране в 2020 году – убийство генерала Сулеймана авиаударом США. Стоит заметить, что фликкер-шум может как привести к социально-политической дестабилизации, так и наоборот, к социально-политической реформации, как было продемонстрировано в Ливане в 2020 году – взрыв в порту Бейрута повлек за собой массовые протестные движения, которые привели к отставке правительства.

Распространение каскада на системы не происходит прямолинейно и одновременно, это подтверждается хронологией протестной активности во время «арабской весны» на Ближнем Востоке. Как отмечают исследователи С.Н. Ачкикалин и И.К. Артун, «протесты распространяются из одной страны в другую не по упорядоченному пути, а, скорее, по беспорядочному пути и распространяются скачками на короткие и длинные дистанции; например, от Иордании до Бахрейна, от Алжира до Йемена» (Açıkalın, Artun, 2018, с. 78). Несомненно, регион является полноценной SOC-системой, где имеется взаимосвязь и взаимозависимость, отражающихся в общих паттернах протестной активности: социальное и экономическое неравенство, безработица, рост цен на топливо и продукты питания, политическая коррупция, недовольство политическим режимом и официальными лицами государства, однако каждый элемент SOC-системы (государство) уникален в своих последствиях, даже при однородной политической атмосфере, переход

системы невозможно было предсказать, как и дальнейшие изменения после 2011 в политической структуре стран арабского мира.

Необходимо заметить, что подобные тенденции вызваны не фактором внешнеполитического вмешательства, а только тем, что «накопившиеся в обществе долгосрочные политические, экономические и социальные причины привели к возникновению протестных настроений. Кроме того, угнетающее правление общества, подавление стремлений людей к самоорганизации, подавление требований свободы и потоков энергии, то есть плотины, которые строятся против потоков, идущих снизу общества, делают систему самоорганизующейся до критичности и приводят к искре для возникновения протестов» (Açıklan, Artun, 2018, с. 82).

Однако, первопричины массовой протестной активности в мировом пространстве сводятся к тому, о чем говорит Д.С. Жуков: «С точки зрения теории СОК для разъяснения взрывообразных социальных трансформаций (включая революции и иные всплески социополитической активности) в ряде случаев нет необходимости разыскивать некий мощный экстраординарный фактор. Социальные трансформации могут быть обусловлены вполне ординарными – и потому малозаметными, не привлекающими внимание – свойствами систем, микроуровневыми процессами и локальными импульсами» (Жуков, 2020, с. 423).

Определяя рамки и характер мирового протеста, можно сказать, что подобный процесс выводит на мировую общественность те проблемы и явления, которые кажутся на первый взгляд локальными в рамках определенной территории, однако согласно данным Фонда Карнеги «Global Protest Tracker» с 2017 по 2023 гг. более 400 антиправительственных протестов «вспыхнули» во всем мире, более чем в 132 странах испытали значительные протесты и 25 протестов связаны непосредственно с пандемией коронавируса (Global Protest Tracker...web). Примечателен тот факт, что в 2021 и 2022 гг., протесты носят более политический характер, связанный, вероятнее всего, с ограничением во время пандемии и принудительной вакцинации в некоторых странах, а также последствиями влияния пандемии на экономический сектор, именуемый в СМИ «коронакризисом».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в процессе рассмотрения различных концепций и подходов к определению политического протеста, было выявлено, что источник массового протеста (политического протеста) – неудовлетворенность в той политической действительности, которая окружает индивидуума, состоящая из различных причин: социально-экономических, политических, культурных и иных. Но при этом одновременно протест – это не только представление об отрицании, но и элемент позитивной трансформации общества, выражающего надежду на развитие статуса-кво.

Определяя роль глобализации, влияющей на феномен мирового протеста Е.С. Громогласова пришла к выводу, что: «Глобализация 2000-х годов повлияла на

характер протестных кампаний последних лет. Технические новинки изменили среду обитания человека. Эра «цифрового потребления» сделала сам процесс потребления менее обывательски-будничным. Благодаря социальным сетям оно перестало быть замкнутым «гедонистическим проектом» для каждого. Вопреки ожиданиям, в новых условиях возрастает привлекательность социальной активности, в особенности протестной. Социальные выступления – теперь и товар, который продается и потребляется на глобальном информационном рынке. Для индивидов привлекательна возможность заявить о себе как значимой политической силе, с которой необходимо считаться. Массовый протест сегодня становится элементом самореализации» (Громогласова, 2015, с. 68). Однако некоторые исследователи придерживаются иной позиции относительно роли глобализации в недавних мировых массовых протестах.

Например, исследователи Т. Карозерс и Р. Янгс отмечают, что нынешняя волна протестов вызвана в первую очередь экономическими проблемами или политическими решениями, а не транснациональными проблемами вроде глобализации, которые стимулировали некоторые предыдущие протесты (The Complexities of Global Protests...web). Большинство протестов сегодня направлены против очень ощутимых и реальных трудностей и проблем, что решительно отличается от более раннего глобального движения за справедливость, которое мобилизовалось на международном уровне против относительно общего зла капитализма и глобализации, и отличается от антивоенной направленности поколения, пережившего Вьетнамскую войну 1955-1975 годов. Протест против свободной торговли, который был основным катализатором транснациональных социальных движений в 1990-х годах, сегодня составляет лишь очень небольшую долю всех мобилизаций (Anheier, Kaldor, Glasius, 2012). При этом исследователи Т. Карозерс и Р. Янгс полагают, что благоприятную среду для протестов сегодня создают современные информационные технологии.

Действительно, современный массовый протест включает в себя огромный спектр самовыражения индивидуумов в общественно-политической среде. Несомненно, социально-экономические/политические протесты играют существенную роль в глобальной тенденции мирового протеста, однако данный вектор становится все более распространенным и обыденным даже в рамках авторитарных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Английский материалисты XVIII в. Собрание произведений в трех томах.* Том 3. (пер. с англ. Б.В. Мееровский). (1968). Москва: «Мысль», 550.
- Анхайер, Х., Калдор, М., Гласиус, М. (2012). Глобальный ежегодник гражданского общества: Уроки и выводы 2001-2011 гг. *Глобальное гражданское общество*. Лондон: Palgrave Macmillan London, 2-26.

- Ачикалин, С.Н., Артун, Е.С. (2018). Концепция самоорганизованной критичности: на примере арабского восстания. *Хаос, сложность и лидерство 2017. Исследования теории хаоса и сложности*. Ankara: Springer, 73-85.
- Бараш, Р.Э., Антоновский, А.Ю. (2018). Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или как возможна научная теория протеста. *Философский журнал*, 11(2), 91-105.
- Бёрк, Э. (1992). *Размышления о Французской революции* (пер. с англ. С. Векслер). Москва: Overseas Publications Interchange, 411.
- Бранк Г.Г. (2001). Самоорганизованная критичность: Новая теория политического поведения и некоторые ее последствия. *Британский журнал политических наук*, 31(2), 427-445.
- Глобальный трекер протестов, 19.01.2024 (2024). Получено из: <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker>
- Жуков, Д.С. (2020). Прерывистое равновесие: взгляд с позиции теории самоорганизованной критичности. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 10, 416-442.
- Каротерс, Т., Янгс, Й. (2015). Сложности глобальных протестов, 08.10.2015. Получено из: <https://carnegieendowment.org/2015/10/08/complexities-of-global-protests-pub-61537>
- Керен, М. (2024) Политический протест, 08.01.2024. Получено из: <https://www.encyclopedia.com/international/legal-and-political-magazines/political-protest>
- МакАдам, Д. (2010). *Политический процесс и развитие черных повстанческих движений, 1930-1970*. Чикаго: University of Chicago Press, 346 с.
- Мирович, А. (2013). Ограничения и несостоятельность концепции гражданского неповиновения по Ролзу. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 4(52), 43-47.
- Ортис, И., Берк, С., Бerraда, М., Кортес, Х.С. (2021). *Мировые протесты: Исследование ключевых вопросов протеста в XXI веке*. Cham: Palgrave Macmillan Cham, 185.
- Роулз, Дж. (1989). *Теория гражданского неповиновения* (Из книги "Гражданское неповиновение") Получено из <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/theory-civil-disobedience-civil-disobedience-p-125-149-1989-paul>
- Самосожжение остается мрачной формой протеста в Тунисе, 17.12.2020. (2020). Получено из: <https://www.washingtontimes.com/news/2020/dec/17/self-immolation-persists-as-grim-form-of-protest-i/>
- Тарроу, С.Г. (1983). *Борьба за реформы: Social Movements and Policy Change During Cycles of Protest*. Ithaca: Cornell University, 67 с.
- Тейлор, А. (2021). *Почему мир так много протестует? Новое исследование утверждает, что у него есть ответы*. 04.11.2021. Получено из: <https://www.washingtonpost.com/world/2021/11/04/protests-global-study/>
- Тилли, Ч. (2019). *От мобилизации к революции* (пер. с англ. Д. Карасев). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019, 432 с.

Для цитирования: Вошинский, К.Е. (2023). Политический протест в контексте проблемы национальной безопасности: теоретический обзор. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 69-80.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_69

REFERENCES

- English Materialists of the 18th century. Collected works in three volumes*. Vol. 3. (per. from Engl. B.V. Meerovsky). (1968). Moscow: "Mysl", 550. (In Russian)
- Anheier, H., Kaldor, M. & Glasius, M. (2012). The Global Civil Society Yearbook: Lessons and Insights 2001–2011. *Global Civil Society*. London: Palgrave Macmillan London, 2-26.
- Açıklan, S.N. & Artun, E.C. (2018). The Concept of Self-Organized Criticality: The Case Study of the Arab Uprising. *Chaos, Complexity and Leadership 2017. Explorations of Chaos and Complexity Theory*. Ankara: Springer, 73-85.
- Barash, R.E. & Antonovsky, A.Y. (2018). Systemic-communicative research of radical movements, or how a scientific theory of protest is possible. *Philosophical Journal*, 11(2), 91-105. (In Russian)
- Burke, E. (1992). Reflections on the French Revolution. Revolution (per. from Engl. S. Veksler). Moscow: Overseas Publications Interchange, 411. (In Russian)
- Brunk, G.G. (2001). Self-organized criticality: A new theory of political behaviour and some of its implications. *British Journal of Political Science*, 31(2), 427-445.
- Global Protest Tracker, 19.01.2024 (2024). Retrieved from <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker>
- Zhukov, D.S. (2020). Discontinuous equilibrium: a perspective from the theory of self-organised criticality. *METHOD: Moscow yearbook of proceedings from social science disciplines*, 10, 416-442. (In Russian)
- Carothers, T. & Youngs, Y. (2015). The Complexities of Global Protests, 08.10.2015. Retrieved from <https://carnegieendowment.org/2015/10/08/complexities-of-global-protests-pub-61537>
- Keren, M. (2024) Political Protest, 08.01.2024. Retrieved from <https://www.encyclopedia.com/international/legal-and-political-magazines/political-protest>
- McAdam, D. (2010). *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930-1970*. Chicago: University of Chicago Press, 346.
- Mirovic, A. (2013). Limitations and failure of the concept of civil disobedience According to Rawls. *Bulletin of Cherepovets State University*, 4(52), 43-47. (In Russian)
- Ortiz, I., Burke, S., Berrada, M. & Cortés, H.S. (2021). *World Protests: A Study of Key Protest Issues in the 21st Century*. Cham: Palgrave Macmillan Cham, 185.
- Rawls, J. (1989). Theory of Civil Disobedience (From Civil Disobedience) Retrieved from <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/theory-civil-disobedience-civil-disobedience-p-125-149-1989-paul>

- Self-immolation persists as grim form of protest in Tunisia, 17.12.2020. (2020). Retrieved from <https://www.washingtontimes.com/news/2020/dec/17/self-immolation-persists-as-grim-form-of-protest-i/>
- Tarrow, S.G. (1983). *Struggling to Reform: Social Movements and Policy Change During Cycles of Protest*. Ithaca: Cornell University, 67.
- Taylor, A. (2021) *Why is the world protesting so much? A new study claims to have some answers*. 04.11.2021. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/world/2021/11/04/protests-global-study/>
- Tilley, Ch. (2019). *From mobilisation to revolution* (trans. by D. Karasev). Moscow: Izd. dom Higher School of Economics, 2019, 432. (In Russian)

For citation: Voshchinsky, K.E. (2023). Political Protest in the Context of the National Security Problem: a Theoretical Review. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(4), 69-80.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_69

**ALL-RUSSIAN ROUNDTABLE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
“SOCIO-POLITICAL PROBLEMS OF THE CASPIAN REGION IN THE
EURASIAN SPACE: SOCIOLOGICAL DIMENSION”**

Olga I. Oskina

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia
E-mail: oskina_olga@mail.ru

Yulia G. Mironova

Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia
E-mail: lysjakova@mail.ru

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКАСПИЙСКОГО
РЕГИОНА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ»**

Оськина Ольга Ивановна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия
E-mail: oskina_olga@mail.ru

Миронова Юлия Германовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия
E-mail: lysjakova@mail.ru

В Астраханском государственном университете имени В. Н. Татищева 22 декабря 2023 г. прошел Всероссийский научно-практический круглый стол с международным участием под названием «Социально-политические проблемы Прикаспийского региона в Евразийском пространстве: социологическое измерение». Мероприятие было приурочено к 30-летию создания кафедры социологии в университете и развитию социологического образования в регионе. Круглый стол проводился совместно с Межуниверситетским экспертно-аналитическим центром «Каспийский международный дискуссионный клуб» на базе Факультета истории и социальных коммуникаций и кафедры международных отношений, социологии и политологии. С приветственным словом выступили проректор по научной деятельности и приоритетным проектам АГУ В.Н. им. Татищева, д. филос. наук, профессор **Баева Людмила Владимировна** и заведующий кафедрой международных отношений, социологии и политологии, д. пол. наук, профессор, **Усманов Рафик Хамматович**, а также **Миронова Юлия Германовна**, многие годы, являвшаяся заведующей кафедрой социологии и активно способствующая развитию социологического образования в регионе.

Почетным гостем Юбилейного мероприятия стала Заместитель министра образования и науки АО, начальник Управления контрольно-надзорной деятельностью и оценки качества образования Дудина Елена Анатольевна, выступившая с поздравительными словами в адрес АГУ им. В.Н. Татищева и коллег, развивающих более 30 лет социологическое образование в регионе. Кособрюхова Татьяна Николаевна, руководитель службы ЗАГС Астраханской области, выступила с поздравительной речью и докладом на тему: «Взаимодействие службы ЗАГС Астраханской области с кафедрой социологии АГУ». В выступлении было отмечено плодотворное многолетнее сотрудничество с кафедрой и университетом, а также совместные научные проекты в области демографических исследований. Также, с приветственным словом и поздравлением выступила выпускница, а теперь преподаватель кафедры «Ассамблея народа Казахстана» Каспийского университета технологий и инжиниринга им. Ш. Есенова в Казахстане Каюпова Фарида Маратовна.

Было очень приятно увидеть выпускников и преподавателей-социологов, которые разлетелись в разные стороны большой России, но подключились к Юбилею и в онлайн-формате поздравили всех преподавателей кафедры социологии с праздничным мероприятием: Касавина Надежда Александровна, член-корреспондент РАН, профессор РАН, доктор философских наук, руководитель сектора философии культуры Института философии РАН; Зубова Оксана Геннадьевна - доцент кафедры социальных технологий социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Сердалиева Диана Александровна к. соц. наук, доцент базовой кафедры Херсонеса Таврического «Музейное дело и охрана памятников историко-культурного наследия», доцент кафедры «Общая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета; Киселева Евгения Евгеньевна - к. соц. наук доцент кафедры социальной медицины и социальной работы Российского университета медицины; Кормушина Юлия

Константиновна, руководитель исследований в Miraculum research group, модератор Чата рисёчеров в TG; Гаджиев Акиф, стажер-исследователь Центра социологии культуры НИУ ВШЭ.

Отдельно необходимо отметить коллег, выступивших на Юбилейном заседании с докладами, затронувшими в своих выступлениях многообразие социальных проблем, актуальных для современной социологической науки. Василенко Инна Викторовна - заведующая кафедрой социологии и политологии Института истории, международных отношений и социальных технологий, Волгу, доктор философских наук, профессор и Стризое Александр Леонидович профессор кафедры социологии и политологии Волгу, доктор философских наук, профессор выступили с докладом: «Локальные проблемы российских регионов и глобальные тренды Каспийского геополитического пространства». Макаренко Кирилл Михайлович - ст. преподаватель кафедры социологии и политологии Волгу выступил с докладом: «Тематика и динамика протестной активности российского Прикаспия». Головин Вячеслав Григорьевич, доцент, доктор биологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Евразии выступил с докладом «Состояние развития дружелюбности коммуникационных режимов на пространстве Большого Каспия».

С большой благодарностью поприветствовали бывших выпускников, сотрудничеством с которыми очень гордится кафедра: Сергиенко Надежду Павловну (заведующая отделом культурно-досуговой и образовательной деятельности ГБУК АО "АОНМЦНК"); Старикову Анну Романовну (заведующая отделом статистики и аналитики ГБУК АО "АОНМЦНК"); Однобокову Ольгу Руслановну (специалист по обучению Центра управления регионом Астраханской области); Исниязову Ирину Игоревну (старший специалист по кадрам отдела развития персонала ООО "Газпром добыча Астрахань").

В рамках мероприятия обсуждались актуальные вопросы, такие как перспективы развития социологического образования в современном Евразийском пространстве, демографические и миграционные процессы в Прикаспийском регионе, а также политические и социокультурные исследования в этом регионе. Круглый стол собрал ученых и экспертов из различных регионов России и других стран, что позволило получить разнообразные точки зрения на обсуждаемые темы.

Мероприятие вызвало большой интерес ученых и специалистов, а также студентов, заинтересованных в развитии социологии и изучении социально-политических проблем Прикаспийского региона. В ходе круглого стола были выдвинуты ценные идеи и предложения, способствующие развитию научного сотрудничества и академического обмена в данной области.

Для цитирования: Оськина, О.И., Миронова, Ю.Г. (2023). Всероссийский круглый стол с международным участием «Социально-политические проблемы

прикаспийского региона в евразийском пространстве: социологическое измерение». *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 81-84.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_81

For citation: Oskina, O.I. & Mironova Yu. G. (2023). All-Russian Roundtable with International Participation “Socio-Political Problems of the Caspian Region in the Eurasian Space: Sociological Dimension”. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(3), 81-84.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_81

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan Tatischev State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan, Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan, Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н. Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88